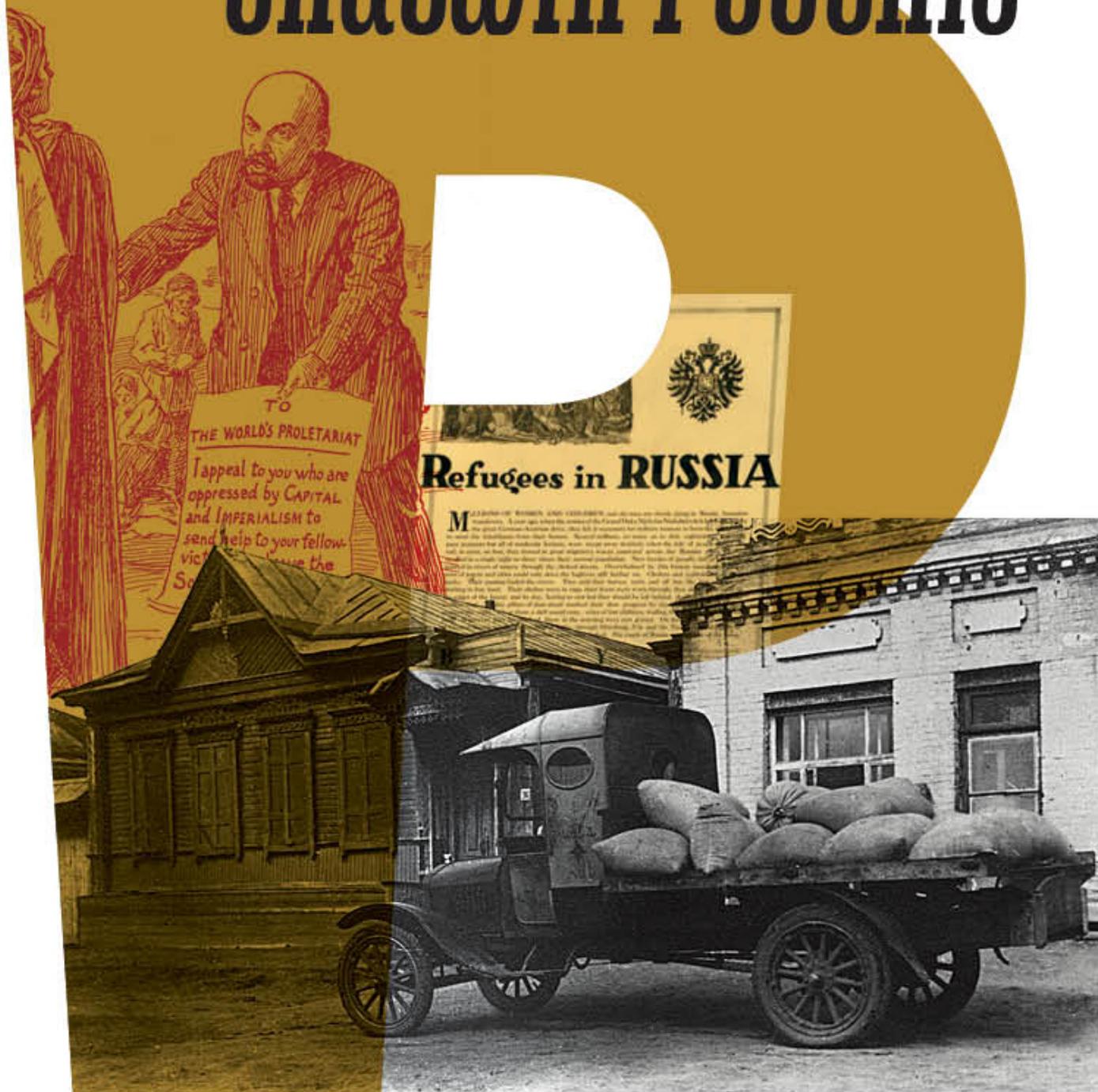

СЕРГЕЙ НИКИТИН

КАК КВАКЕРЫ СПАСАЛИ РОССИЮ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Сергей НИКИТИН

Как квакеры спасали Россию

«НЛО»

2020

Никитин С. А.

Как квакеры спасали Россию / С. А. Никитин — «НЛО»,
2020 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-44-481399-7

Ужасающий голод 1921 года поставил советскую власть перед неизбежным решением: признать катастрофу и принять иностранную помощь. В течение короткого времени были подписаны более двадцати договоров с международными организациями, изъявившими желание помочь Советской России. Третьим в этом списке был договор Наркомпрода с квакерами. Квакеры, или Религиозное общество Друзей, — это протестантская христианская церковь, история взаимодействия которой с Россией начинается в XVII веке. С 1916 по 1931 год квакеры смогли вполне мирно и плодотворно сотрудничать со всеми властями: с чиновниками царской России, с чехословацкими легионерами и большевиками. Это сотрудничество способствовало спасению сотен тысяч людей, которые выжили благодаря квакерским пайкам, врачам, тракторам и лошадям. В России практически ничего не известно об этой помощи, имена спасителей забыты, добрые дела преданы забвению. Сергей Никитин, многолетний представитель Amnesty International в России и исследователь истории квакеров, своей книгой стремится восстановить историческую справедливость. Книгу предваряет вступительная статья старшего научного сотрудника ИРИ РАН и члена Вольного исторического общества Владислава Аксенова, вводящая квакерские инициативы в социально-политический контекст эпохи. В формате epub представлен издательский файл.

ISBN 978-5-44-481399-7

© Никитин С. А., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

ГОЛОД КАК ПОЛИТИКА: ГУМАНИТАРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ В 1891–1922 ГОДАХ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ.	33
ЧАСТЬ I	35
ГЛАВА 1	37
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Никитин

Как квакеры спасали Россию

В 1996 году я поехал в Дом ветеранов штата Нью-Джерси, чтобы встретиться там с Ребеккой Тимбрес-Кларк. Ребекка работала в 1922 году в американской квакерской миссии помощи в Сорочинском. На момент нашей встречи ей было сто лет. Она была слепа и плохо слышала, но нам удалось отлично пообщаться. На прощание я обнял ее и спросил: «Вы помните что-нибудь по-русски?» «Yes, Terplushka», – ответила мне Ребекка Тимбрес Кларк.

ГОЛОД КАК ПОЛИТИКА: ГУМАНИТАРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ В 1891–1922 ГОДАХ

В последние десятилетия в научной и околонучной литературе происходит ревизия представлений о повседневной жизни российских крестьян на рубеже XIX–XX веков. Часто можно услышать мнение о том, что прежние выводы о тяжелом положении сельских жителей сильно преувеличены, да и голода никакого ни в 1891–1892-м, ни в последующие годы не было, а был всего лишь «недород» зерновых культур. В подтверждение этой «оптимистической» концепции приводятся цифры роста урожайности, экспорта зерна. В то же время «пессимисты» также обращаются к статистике, свидетельствующей, наоборот, о кризисных процессах в сельском хозяйстве. Однако в этой войне цифр теряется человек прошлого, повседневное пространство деревенской жизни, которое зачастую не поддается измерению валовыми показателями. Сторонники концепции о благосостоянии российской деревни в конце XIX века указывают на то, что разговоры о голоде преувеличены, так как от голода умерло «не достаточно много» крестьян, с высокомерием отбрасывают свидетельства очевидцев, считая их единичными и несущественными примерами на фоне общей модернизации жизни рубежа веков. Однако важно понимать, что субъективные представления человека о своей жизни играют не меньшую роль, чем рассчитанные объективные характеристики. Да и большая история зачастую складывается как мозаика частного, на первый взгляд незначительного. Во время голода 1891–1892 годов английские квакеры принимали участие в оказании продовольственной и медицинской помощи в Поволжье, на Кавказе; вряд ли их вклад сравнится с помощью, оказанной земствами, Красным Крестом, Особым комитетом, Л. Н. Толстым, отрядами российских студентов, однако едва ли можно измерить какими-то величинами ту благодарность, которую испытывали спасенные ими реальные люди.

Есть еще одна любопытная психологическая сторона в истории британской помощи, характеризующая сочетание объективного и субъективного в истории: решения англичан о пожертвованиях голодающим в России были приняты под впечатлением недавнего «великого голода» в Британской Индии¹. Услышав о голоде в России, квакеры нарисовали в своем воображении соответствующие картины и отправились туда, и, хотя ситуация в Российской империи в 1891–1892 годах была много лучше, чем в британской колонии, они продолжили свою гуманитарную миссию². Следует заметить, что иностранные благотворительные религиозные организации в первую очередь стремились помочь своим собратям по вере, однако квакеры, не имевшие прямых последователей в России, были в этом отношении менее избирательны. В 1892 году они в качестве объекта помощи избрали близкую по религиозным взглядам секту духовных христиан (духоборов), которых власти преследовали за пацифистские убеждения, которые изгонялись из домов и становились беженцами. Беженцам пришлось особенно тяжело в голодные годы. В Первую мировую и Гражданскую войны квакеры уже помогали в России всем беженцам и крестьянам, вне зависимости от их религиозных взглядов. Такая позиция вызывала критику со стороны представителей Американской администрации помощи (АРА), считавших, что квакеры неэффективно расходуют средства, которые растворяются среди огромной массы нуждающихся. Впрочем, проблема расходования средств была

¹ Kelly L. *British Humanitarian Activity in Russia. 1890–1923*. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 2.

² Впрочем, как отмечает Люк Келли, английская благотворительная миссия в России также не была лишена определенных амбиций по либерализации политической системы в России, хотя британское квакерское Общество друзей, в отличие от Общества друзей русской свободы, не делало политических заявлений.

общей. В 1891–1892 годах общественные деятели критиковали земства за то, что они передают собранные хлеб и деньги крестьянским общинам, которые распределяют их между своими членами поровну, вместо того чтобы наделить ими наиболее нуждающихся. Гуманитарный и «технологический» аспекты благотворительности не всегда сочетались друг с другом.

Современные дискуссии о благосостоянии российского крестьянства рубежа XIX–XX веков отчасти являются следствием различий двух взглядов на прошлое: с высоты мертвой статистики и сквозь призму живой, человеческой истории. Собственно, разница подходов обнаруживается уже у современников трагических событий прошлого: власть и консерваторы приводили количественные показатели продовольственной помощи, считая разговоры о голоде сильно преувеличенными, а земства и либеральная общественность, напротив, били тревогу, ссылаясь на многочисленные частные свидетельства с мест. Стремясь к объективности и выстраивая концептуальные схемы, очень важно не упустить из виду живого человека. Обращение к теме голода и продовольственной, медицинской помощи позволяет вернуть истории эмоциональное начало. Таким образом, тему голода и помощи голодающим необходимо рассматривать в контексте эмоциональных практик современников, экономических стратегий и борьбы за власть между различными институтами общества и государства.

Для прояснения ситуации необходимо вспомнить состояние российского сельского хозяйства в пореформенный период и разобраться с тем, как тема голода приобретала политическое звучание.

На рубеже XIX–XX веков Российская империя являлась аграрной страной, в которой труд на земле основного производителя во многом оставался архаичным. Отмена крепостного права изменила социально-правовой статус крестьян, однако сопровождавшее ее сокращение крестьянских земельных наделов, сохранение в руках помещиков полей, лугов, лесов, важных в сельскохозяйственном отношении, осложняли положение российской деревни. Начавшаяся модернизация, казалось, открывала перед крестьянами новые перспективы, могла решить проблему аграрного перенаселения, тем не менее определенный консерватизм, традиционализм ведения хозяйства, направленный на снижение производственных рисков, сдерживал развитие деревни.

К традиционным сдерживающим факторам относился низкий уровень сельскохозяйственной культуры. Несмотря на планомерное увеличение валового сбора зерновых во второй половине XIX века, происходило это в основном за счет введения в оборот новых посевных площадей, то есть за счет экстенсивного развития сельского хозяйства. Кроме того, значительный процент экспорта хлеба обеспечивался помещичьим, а не крестьянским хозяйством. В общине продолжало господствовать трехполье, при котором ежегодно под паром оставалось около 33% земли от площади пашни. Это усугубляло «земельный голод» российских крестьян. Другим отягчающим обстоятельством выступало отсутствие массовой практики удобрения почв. В середине XIX века из 59 губерний и областей лишь в 22 регулярно использовалось унавоживание почвы, в большинстве губерний и областей трехполье было безнавозным. Несмотря на постепенное расширение ареала использования удобрений, даже в начале XX века безнавозное трехполье преобладало над навозным³. Одной из причин малого использования естественных удобрений было недостаточное развитие животноводства.

Нельзя также не отметить рутинность используемой сельхозтехники. Хотя в 1910-е годы началось внедрение машин, причем около 40% из них были немецкого и австрийского производства, в большинстве крестьянских хозяйств землю обрабатывали по старинке. В 1910 году в Европейской России железные и деревянные плуги составляли 47% от всех пахотных орудий, почти столько же и традиционная соха – 44%, причем в губерниях центральной России доля

³ *Островский А. В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. С. 101.

сохи была преобладающей – 61%⁴. Несмотря на малую эффективность сохи, которая, в отличие от плуга, обеспечивала меньшую глубину запашки, не переворачивала пласт земли и требовала больших физических усилий от пахаря, вспашка земли сохой могла осуществляться одной малосильной лошадкой, тогда как для плуга, в зависимости от почвы, могло потребоваться и две пары быков. В 1915 году особенно разительные отличия в механизации земледельческого труда современники отмечали в Сибири: в одних районах применялись соха, косули, деревянные плуги и бороны, «в то же самое время вблизи, часто лишь в полусотне верст от сел с первобытным инвентарем, находятся местности, где в хозяйствах можно встретить новейшие марки нашего внутреннего, североамериканского и германского с.-х. машиностроения»⁵. Традиционные способы обработки почвы, как правило, использовали старожилы, тогда как новоселы, колонисты экспериментировали с новейшей техникой. Земства активно занимались агрономическим просвещением крестьянства, численность агрономического персонала неуклонно увеличивалась (с 29 человек в 1890 году до 854 агрономов в 1910-м), появлялись опытные поля и станции, однако общий агрикультурный уровень России оставался низким.

Серьезным вызовом для аграрного сектора России была зависимость от метеорологических условий. Главную причину недорода зерновых современники усматривали в регулярно повторявшихся засухах. Неурожаи случались постоянно, но наиболее голодными годами стали 1891–1892, когда особенно пострадали черноземные районы. Тогда сыграли свою роль сразу несколько метеорологических факторов: лето 1890 года оказалось обильным на дожди, что благоприятно сказалось на всходах урожая, однако резко наступившая во второй половине июня тропическая жара с сильными ветрами засушили зерно на корню. Кое-где начались сильные пожары: «С какою-то систематическою беспощадностью, которая невольно внушает суеверную идею сознательной преднамеренности и кары, природа преследовала человека. По иссыхающим нивам то и дело проходили причты с молебнами, подымались иконы, а облака тянулись по раскаленному небу, безводные и скупые. С нижегородских гор беспрестанно виднелись в Заволжье огни и дым пожаров. Леса горели все лето, загорались сами собою; огонь притаивался на зиму в буреломках и тлел под снегом, чтобы на следующую весну, с первыми сухими днями, вновь выйти на волю и ходить пламенными кругами до новой зимы... Голод подкрадывался к нам среди этого зноя и дыма, среди этой засухи», – вспоминал В. Г. Короленко⁶. При этом засуха в отдельных губерниях продолжалась до сентября, а в ноябре, при полном бесснегии, наступили двадцатиградусные морозы. Весна 1891 года отличалась почти полным отсутствием половодья, в результате чего заливные луга остались неувлажненными, а наступившие в конце апреля холода погубили озимые. В мае случилась новая засуха, которую вскоре сменили короткие обильные дожди, а затем морозы, что погубило молодую растительность. Пронесшийся по ряду черноземных губерний сильный циклон сдувал пахотный слой, в других случаях ураганы выбивали зерно из колосьев. Хотя зима 1891 года наступила рано и оказалась обильна на снега, снег этот быстро сошел, а наступившие после этого морозы привели к вымораживанию озимых⁷.

Государственные чиновники, и среди них А. С. Ермолов, будущий министр земледелия и государственных имуществ, неурожаи 1891–1892 годов объясняли исключительно природным фактором. Вместе с тем земские деятели задолго до наступившего голода предупреждали власть об угрозах и указывали на необходимость помощи деревне. О спаде производства сельхозпродукции земские деятели говорили с конца 1880-х годов, указывая на рост недоимок в крестьянских хозяйствах. В Казанской губернии в 1890 году окладных сборов было недопо-

⁴ Сельскохозяйственные орудия и машины в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.

⁵ Земледельческая газета. 1915. № 13. С. 354.

⁶ Короленко В. Г. В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М., 1955.

⁷ Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 5–9.

лучено на более чем 2 млн рублей, в Нижегородской – почти на 1 млн. Помимо природных явлений, среди факторов возможного голода земские работники отмечали высокие выкупные платежи, не позволявшие крестьянским хозяйствам запастись зерном на случай голодных лет. Тульское земство уже летом 1891 года поставило вопрос об отмене выкупных платежей, но они были отменены царским правительством лишь под влиянием первой российской революции 1905 года⁸. Еще одной причиной наступившего голода стала нерациональность общинного землепользования, связанная с такими явлениями, как чересполосица, мелкополосица, дальнотемелье. Общинное землепользование, имеющее целью гарантировать всем семьям минимальный урожай, в силу своей малой эффективности не защищало крестьян в периоды экстремально низких урожаев.

Земства и государство по-разному смотрели на необходимость помощи крестьянам даже в голодные годы. В земствах разрабатывались проекты комплексных мероприятий, как долгосрочных (например, строительство железных дорог для обеспечения скорейшей доставки хлебных грузов из одних регионов в другие), так и краткосрочных (выдача крестьянам ссуд и пособий). Однако правительство, поддерживая первые проекты, отрицательно относилось к субсидированию населения, полагая, что оно «приучит народ рассчитывать на пособия» и отвлечет его «от изыскания собственных средств к прокормлению», в результате чего крестьянство привыкнет к праздности и сделается «склонным к беспорядкам»⁹. Будущий министр иностранных дел В. Н. Ламздорф, занимавший в 1891 году пост директора канцелярии министерства, выражал в дневнике эту позицию, характерную для большинства чиновников: «Пожертвования... содействуют деморализации народа... Вместо того чтобы работать и заслужить пособие, громадное количество крестьян и рабочих в провинции отказываются от всякой работы, под предлогом, что „царский паек“ должен им быть выплачен даром. Благотворительность такого рода может в конечном счете привести к более значительным и еще более неоправданным бедствиям, чем сами последствия неурожая»¹⁰. В итоге безвозмездное субсидирование российским законодательством не предусматривалось. Сельское население субсидировалось таким образом, что после возвращения крестьянами полученных ссуд Общеимперский продовольственный капитал (бюджетный фонд, созданный для преодоления последствий неурожая) постоянно возрастал – помощь голодающим оказывалась доходным делом¹¹.

Во время неурожая 1911–1912 годов в некоторых губерниях администрация пошла еще дальше и отказывалась от выдачи семян даже в ссуду, требуя от крестьян оплаты за них наличными и объясняя это тем, что «ссуду мужик пропьет в первом кабаке»¹². Земства пытались оспаривать эту концепцию, указывая, что в чрезвычайных ситуациях необходимо снабжать население семенами, чтобы предотвратить второй подряд голодный год. Иногда земствам удавалось одержать в этих спорах победу. Так, в 1911 году в Казанской губернии администрация не смогла уговорить земства организовать продажу семян крестьянам, в результате чего была вынуждена передать 100 тысяч рублей в ссуду бедноте¹³. Однако в ноябре 1911 года казанский губернатор издал циркуляр, согласно которому продовольственные ссуды отменялись, а всем голодающим было предписано записаться на общественные работы. При этом общественные работы были организованы крайне плохо, а в некоторых местностях их и вовсе не было.

Когда убедить губернские власти не удавалось, земства привлекали частные пожертвования, однако некоторые губернаторы запрещали земствам и частным кружкам проявлять

⁸ Поцарин П. В. Земская реакция на голод 1891–1892 гг. в Российской империи (на примере Тульской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 70–81.

⁹ Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие... С. 81–82.

¹⁰ Ламздорф В. Н. Дневник. 1891–1892. М.; Л., 1934. С. 195.

¹¹ Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие... С. 85.

¹² Панкратов А. С. Без хлеба. Очерки русского бедствия. Голод 1898 г. и 1911–1912 гг. М., 1913. С. 61.

¹³ Там же. С. 63.

инициативу в деле помощи голодающим, заверяя, что губернская администрация «сама справится»¹⁴. Такое противостояние центральных, губернских и земских органов не способствовало эффективной помощи крестьянам. Впрочем, конфликты возникали не только во властной вертикали, но и по горизонтали, между частными и общественными организациями. Во время голода 1891–1892 годов создавались студенческие отряды, которые отправлялись в пострадавшие от неурожая районы. Однако там, по причине взаимного недоверия, у них случались конфликты как с администрацией, так и с представителями Красного Креста. Студенты обвиняли сотрудников Красного Креста в формализме, стремлении передоверить кормление крестьян местным сомнительным личностям, которые нередко обворовывали своих же односельчан. Схожие претензии предъявлялись и земским служащим, которых подозревали в нецелевом расходовании средств, выданных на борьбу с голодом. В адрес студентов звучали обвинения в использовании голода в целях пропаганды революционных идей. Отчасти подозрения губернских властей были оправданы: среди студентов было много социалистов, которые пытались агитировать среди крестьян (при этом внутри студенческих кружков нередко случались конфликты между студентами-народниками и студентами-марксистами). Не все представители студенческого сообщества с сочувствием относились к голодающим. Некоторые революционно настроенные студенты придерживались формулы «чем хуже – тем лучше», полагая, что голод станет революционным фактором, и отказываясь от участия в борьбе с ним¹⁵. Согласно воспоминаниям В. В. Водовозова, в 1891 году молодой В. И. Ульянов отмечал «прогрессивное» влияние голода: «Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создает пролетариат и содействует индустриализации края... Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции»¹⁶.

Противодействие губернской администрации низовым частным инициативам отчасти обуславливалось спецификой массового сознания крестьян, которые, наблюдая за деятельностью студенческих отрядов, приходили к заключению, что царь распорядился раздать крестьянам хлеб, а губернаторы забирают его себе. Ходили слухи, что раздающий хлеб студент с золотыми пуговицами на сюртуке – не кто иной, как наследник престола, а остальные студенты – его свита¹⁷. В Лукояновском уезде Нижегородской губернии поговаривали, что, так как петербургские власти в деле помощи голодающим не надеются на местного губернатора, они выписали из-за границы племянника какого-то короля. Этот «королек-королевич» бесплатно кормит голодающих и раздает крестьянам лошадей. В действительности этим «корольком» был писатель В. Г. Короленко, развернувший активную благотворительную деятельность в Нижегородской губернии¹⁸. Помогал нижегородским крестьянам и А. П. Чехов.

Впрочем, в отношении волонтеров распускались и негативные слухи: что это иностранцы, приехавшие переманить местных жителей в свою веру, или что они слуги антихриста. В татарских селениях прошел слух, что за предоставление продовольственной помощи администрация требует, чтобы местное население крестилось в православную веру. Все это создавало опасную политическую обстановку, тем более что в отдельных районах вспыхивали беспорядки. Ситуацию усугубляли начавшиеся эпидемии холеры и тифа, вызвавшие распространение абсурдных слухов: «Весной 1892 года эпидемия вспыхнула в Астрахани и оттуда стала постепенно распространяться вверх по Волге. Холеру разносили люди, в панике бежавшие из астраханского района, а с этими паническими людьми бежали и слухи, нелепые, зло-

¹⁴ Там же. С. 55.

¹⁵ Оболенский В. А. Моя жизнь. С. 104.

¹⁶ Водовозов В. В. Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне. Прага. 1925. № 12. С. 177.

¹⁷ Оболенский В. А. Моя жизнь. С. 109–111.

¹⁸ Фортунатов Н. М., Уртмищева М. Г. Русская литература последней трети XIX века: Учебник для СПО. М., 2019. С. 297.

вещие и фантастические слухи о докторах, отравляющих колодцы, об агентах „англичанки“, снабженных баночками с холерным ядом, о том, что в городах людей насильно сажают в „черные дома“ и там убивают, и т. д.»¹⁹ Стали появляться списки «вредителей», в которых записывали земских деятелей, врачей, студентов. Современники сообщали о случаях убийства докторов, проводивших санитарные осмотры.

Некоторым губернаторам казалось, что успех частных лиц и организаций в деле помощи голодающим подрывает их авторитет. Л. Н. Толстой, собиравший пожертвования и направлявший их на открытие бесплатных крестьянских столовых, сообщал, что орловский губернатор запрещал открывать столовые без его предварительного разрешения, а также без согласия местного попечительства и земского начальника. Такая бюрократизация благотворительной деятельности наносила вред делу помощи голодающим. В Тульской губернии полицейские власти, приехав в деревню Чернского уезда, где были открыты столовые для голодающих, запретили крестьянам в них обедать и ужинать и для верности сломали столы, после чего удалились, «не заменив для голодных отнятый у них кусок хлеба ничем, кроме требования безропотного повиновения»²⁰. Толстой считал, что в Тульской, Орловской, Рязанской, Воронежской и других губерниях власти целенаправленно принимали «самые энергичные меры для противодействия частной помощи».

Тема голода приобретала политический контекст: либерально-оппозиционная часть общества занимала алармистскую позицию, требовала расширения помощи голодающим, консервативная общественность утверждала, что масштабы голода сильно преувеличены. В этом проявлялась разница подходов: гуманистического, ставившего в центр проблемы человека и выстраивавшего эмоциональные нарративы, и механистического, рассматривавшего голод сквозь призму государственных институтов и предлагавшего сухую статистику. Первый подход особенно ярко проявился в русской художественной литературе, в которой тема голода стала одной из формирующих интеллигентскую идентичность²¹. Борьба с голодом, помощь неимущим развивали социальный гуманизм, представляли собой важный фактор становления гражданского самосознания. Помимо Л. Н. Толстого, к теме голода обращались писатели В. Г. Короленко, Г. И. Успенский. Зрелище голодающих крестьян особенно потрясло Успенского, у которого возобновилось и усилилось нервно-психическое заболевание, из-за которого он оказался в лечебнице для душевнобольных.

Ряд чиновников признавали серьезность положения крестьян, однако правительство не одобряло публикации статей, рисовавших картины народного бедствия, и за этим бдительно следили цензурные комитеты. Сотрудники Министерства финансов обвиняли своего министра И. А. Вышнеградского в том, что он отказался своевременно привлечь внимание общественности к последствиям неурожая из опасений, что эта информация окажет негативное воздействие на биржевой курс рубля²². В газетах запрещалось употреблять слово «голод», его следовало заменять более нейтральным «недород». В обществе распространился слух, будто, когда один из министров в своем докладе государю упомянул о голодающих крестьянах, Александр III сделал на нем пометку: «У меня нет голодающих, есть только пострадавшие от неурожая» (по другой версии, император произнес эту фразу в ответ на заявление одного полкового командира, что офицеры его полка собираются пожертвовать деньги голодающим). Либерально настроенный князь В. А. Оболенский считал, что «эта формула была принята в руководстве цензорами, которые вычеркивали из газетных столбцов слова „голод“, „голодающие“ и заменяли их

¹⁹ Оболенский В. А. Моя жизнь. С. 118.

²⁰ Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 13. С. 181.

²¹ Впрочем, поэт-лирик А. А. Фет считал голод следствием «обычного пьяного разгула».

²² Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие... С. 89.

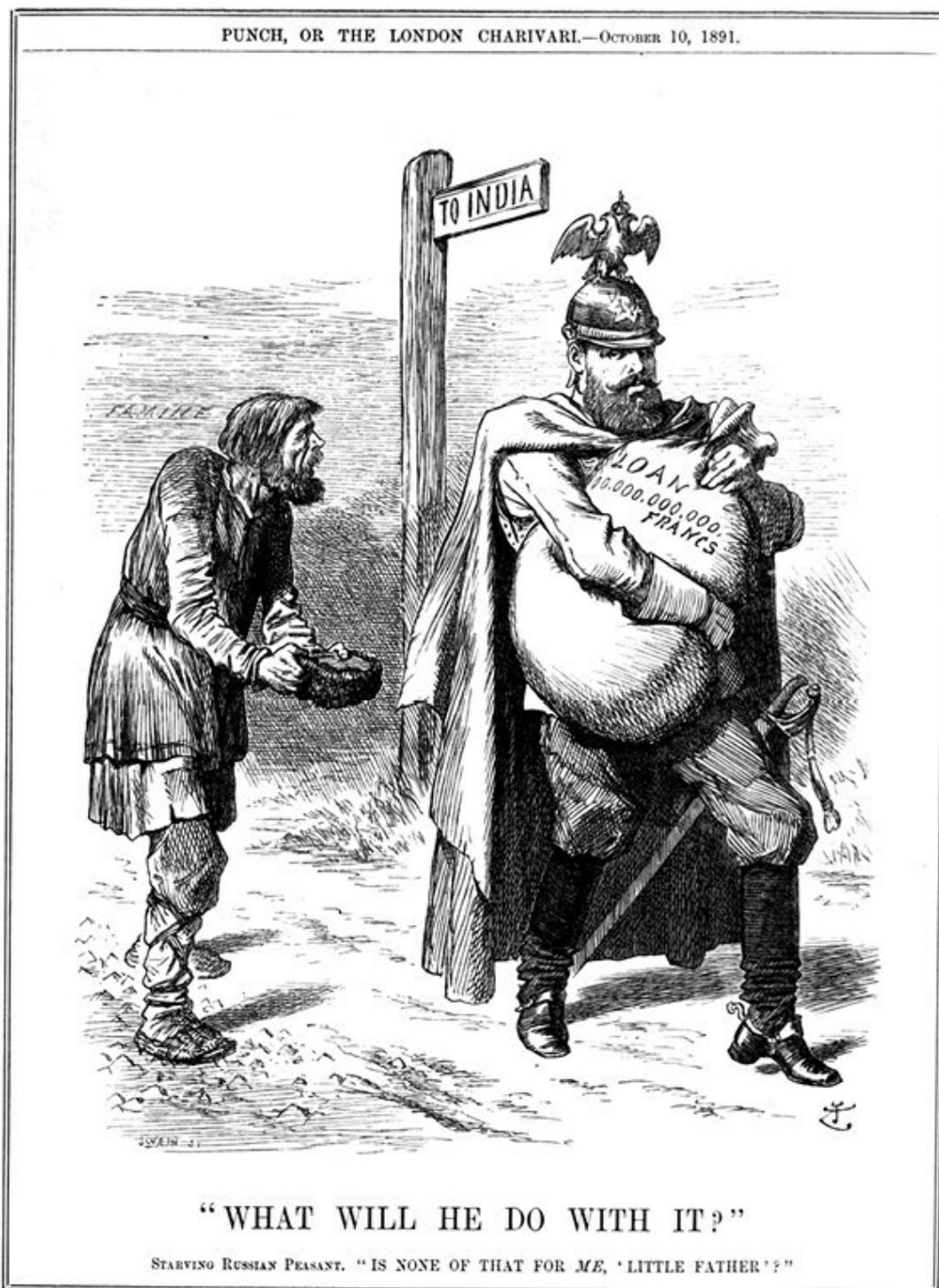
словами – „неурожай“ и „пострадавшие от неурожая“»²³. Возможно, это было связано с распространенной в народе поговоркой: «Неурожай от бога, а голод – от царя», и такой заменой власть пыталась смягчить свою возможную дискредитацию у крестьянских масс. Однако цензура лишь подстегивала фантазии обывателей, и в обществе распространялись алармистские слухи, преувеличивавшие размеры голода. Появлялась подпольная литература о голоде, ходили карикатуры на императора и чиновников. Одна из карикатур (английского художника) изображала императора, спиной к голодающим, отказывающегося от пожертвований со словами: «Голода нет!»

Впрочем, помимо слухов, есть заслуживающие большего доверия свидетельства отношения императорской семьи к голоду. Так, министр иностранных дел Н. К. Гирс делился с Ламздорфом своими впечатлениями от разговоров за завтраком у императора в конце января 1892 года: «Его величество не хочет верить в голод. За завтраком в тесном кругу в Аничковом дворце он говорит о нем почти со смехом; находит, что большая часть раздаваемых пособий является средством деморализации народа, смеется над лицами, которые отправились на место, чтобы оказать помощь на деле, и подозревает, что они это делают из-за похвал, которые им расточают газеты... Цесаревич тоже слушает эти разговоры с одобрительной улыбкой»²⁴.

В 1870–1890-х годах в сознании общественности голод ассоциировался в первую очередь с картинами «Великого голода» 1876–1878 годов в Индии, на описание ужасных последствий которого российская пресса не жалела красок, рассказывая о распухших от голода и умиравших прямо на улицах городов мужчинах, женщинах, стариках и детях. В 1891–1892 годах некоторые корреспонденты проводили параллели между ситуацией в Индии и России, причем либеральные издания были склонны отмечать общие черты, консервативные, напротив, отрицать всякую связь. «Голод в Индии» становился ширмой, за которой правая пропаганда пыталась спрятать бедственное положение российских крестьян. Во время кампании по сбору средств в помощь голодающим в России британский журнал «Панч» опубликовал карикатуру, на которой Александр III нес в Индию огромный мешок денег мимо голодающего крестьянина.

²³ Оболенский В. А. Моя жизнь. С. 103.

²⁴ Ламздорф В. Н. Дневник... С. 253.

«Что он будет с этим делать?»

Punch. 1891. October 10. P. 175

И хотя масштабы голода в Индии и России действительно несопоставимы, тем не менее в отдельных российских селах ситуация была близка к катастрофической. Корреспондент «Русского слова» так вспоминал посещение поволжских деревень: «„Голод в Индии“ был близок к нашей действительности. Не валялись на улице скелетообразные людские тени. Но в цынготных больничках лежало по 15–20 человек, людей только по имени. В действительности, это были трупы. Запах трупный, вид умирающего, вспухшее лицо, потускневший взгляд, тяжелое

прерывистое дыхание... Помню ребенка. Худенькие ручки, огромный отвислый живот. Старческая серьезность на лице. Он смотрел нам в глаза глубоким, не земным взглядом и ел огромный кусок хлеба из лебеды. Хрустел песок на зубах»²⁵.

Л. Н. Толстой также сравнивал голод в Индии и России. При этом писатель предлагал сначала разобраться в том, что считать голодом, склоняясь к мысли, что голод – это не обязательно отсутствие пищи вообще, а недополучение организмом необходимых питательных веществ: «Если же под голодом разуметь недоедание, не такое, от которого тотчас умирают люди, а такое, при котором люди живут, но живут плохо, преждевременно умирая, уродуясь, не плодясь и вырождаясь, то такой голод уже около 20 лет существует для большинства черноземного центра и в нынешнем году особенно силен»²⁶. В. А. Оболенский, студентом отправившийся на помощь голодающим Богородицкого уезда Тульской губернии, тоже пришел к выводу, что «бедность богородицких крестьян хроническая и что в голодный год, при помощи земской ссуды, им живется лишь немного хуже обычного»²⁷. Такой подход оправдан тем, что во многих селах голодающих губерний хлеб был, но это был особенный, «голодный хлеб». Земства собирали его образцы, одинаковые что в 1892-м, что в 1898-м, 1907-м или 1911 году. Чаще всего хлеб разбавляли лебедой, такой «голодный хлеб» крестьяне считали даже вкусным, смешивали муку с дикой гречихой, овсом, желудями и отрубями, делали хлеб из конопляного жмыха. В крайнем случае – из мякины. Часто смешивали с глиной. Когда заканчивалась мякина – употребляли вместо хлеба древесную кору. «Голодный хлеб» из мякины с глиной имел одно важное свойство для людей, мучившихся от голода: он вызывал сильную рвоту, и человек терял аппетит на несколько дней, забывая о чувстве голода.

Специфика российского неурожая заключалась в том, что голод в одних губерниях протекал на фоне относительного благополучия других, так как неразвитость сети железных дорог не позволяла своевременно доставить хлеб в пострадавшие районы. Попытки Министерства путей сообщения организовать перевозку хлебов привели к заторам на железных дорогах (почти на весь ноябрь 1891 года оказалась парализована Владикавказская железная дорога²⁸), что выявило плохую организацию железнодорожного дела в стране и непригодность станций для хранения хлеба. В январе – феврале 1892 года, поскольку в целях экономии было решено перевозить зерно не в мешках, а насыпью, когда хлеб прибывал на промежуточные станции, его высыпали из вагонов прямо на снег²⁹. Все эти обстоятельства стали причиной увольнения министра путей сообщения А. Я. Гюббенета. Попытки земства закупить хлеб в благополучных районах приводили к росту рыночных цен, что не позволяло поставить в голодающие губернии достаточно хлеба. В том же 1892 году чиновники Министерства финансов признавали, что «голодание населения могло иметь место даже при избытке общего производства хлеба в России»³⁰. Отсюда парадоксы историографической дискуссии о «голодном экспорте», который связывают с приписываемой Вышнеградскому фразой «недоедим, но вывезем». Однако вывоз хлеба в голодные годы не являлся значимым фактором обеднения крестьянства, тем более что значительная доля экспорта осуществлялась за счет помещичьих хозяйств (к тому же с июля 1891 года правительство стало вводить запрет на вывоз хлеба из пострадавших губерний). Более существенными факторами оказывалась неразвитая инфраструктура, несогласованность действий центральной, губернской власти и земских организаций. Согласно В. Н. Ламздорфу (но вопреки А. С. Ермолову, который поддерживал обвинения

²⁵ Папкратов А. С. Без хлеба... С. 23, 28.

²⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 13. С. 183.

²⁷ Оболенский В. А. Моя жизнь... С. 107.

²⁸ Измайлов А. Железные дороги в неурожай 1891 г. СПб., 1895. С. 14.

²⁹ Там же. С. 20.

³⁰ Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 3–4.

министра финансов в том, что тот выступал за экспорт в ущерб благосостоянию крестьян), Вышнеградский уже в июне 1891 года думал о том, чтобы остановить экспорт и вернуть часть хлеба обратно, так как из-за неурожая у него имелись опасения «политического характера»³¹. «Голодный экспорт» в большей степени был проблемой морально-этической, чем экономической, что в итоге и привело летом – осенью 1891 года к запрету экспорта зерна на десять месяцев. И все же для прогрессивной части общества Вышнеградский был определенным раздражителем, в то время как консервативные круги его поддерживали. Князь В. П. Мещерский на страницах «Гражданина» описывал министра финансов как мудрого и прозорливого человека, пытаясь защитить его от ходивших о нем в обществе слухов³². При этом Вышнеградский был далеко не самым консервативным представителем правительства (например, он предлагал сократить расходы на вооружения и на сэкономленные средства увеличить финансовую помощь пострадавшим крестьянам). В отличие от министра финансов, признававшего голод в России, главным отрицателем голода в правительстве («голодным диссидентом») был министр внутренних дел И. Н. Дурново³³.

Государство, не отказываясь от частной благотворительной помощи голодающим, вместе с тем через систему контроля и распределения пыталось «приватизировать» эту сферу. Князь В. А. Оболенский вспоминал, что прогрессивные круги с недоверием относились к Российскому обществу Красного Креста, августейшим покровителем которого была императрица Мария Федоровна, а потому предпочитали жертвовать деньги частным лицам, например Л. Н. Толстому³⁴. Таким образом организация частной помощи голодающим приобретала оппозиционный оттенок. Симпатизировавший Толстому В. Н. Ламздорф тем не менее отмечал, что граф «располагает, ввиду широкой раздачи пособий голодающим, опасными средствами пропаганды»³⁵. Британские квакеры тоже указывали на забюрократизированность Российского Красного Креста и отказывались с ним сотрудничать. Официальные власти на такое недоверие порой отвечали арестами квакеров: так, в 1907 году были арестованы две дамы из Квакерского комитета по борьбе с голодом в России³⁶.

Впрочем, у государства были и собственные ресурсы для борьбы с голодом. В 1841 году был создан Общеимперский продовольственный капитал (с 1866 года он находился под контролем министра внутренних дел), формировавший губернский продовольственный капитал, из которого кредитовались земства. В губернском земском продовольственном капитале к 1891 году имелось 14 млн рублей. Более 23 млн составлял общественный продовольственный капитал, который формировался из внебюджетных средств, собиравшихся с местных жителей. Кроме продовольственных капиталов, в государстве функционировали хлебные запасные магазины, которые формировались из зерна, сдававшегося населением. Согласно данным А. С. Ермолова, к 1891 году центрального, губернского и общественного продовольственного капитала имелось более 48 млн рублей, не считая натуральных запасов. Однако распределялись они неравномерно (например, на начало 1891 года в Екатеринославском земстве продовольственного капитала не было вовсе). Тем не менее всех этих средств для преодоления последствий неурожая было недостаточно. В итоге в этот период суммарные расходы казны на борьбу с неурожаем составили 146 млн рублей.

Верховная власть пыталась поставить под контроль благотворительную деятельность в империи. 23 ноября 1891 года был создан «Особый комитет по оказанию помощи населению

³¹ Ламздорф В. Н. Дневник... С. 148.

³² Гражданин. 1892. 1 января.

³³ Ламздорф В. Н. Дневник... С. 230.

³⁴ Оболенский В. А. Моя жизнь... С. 104.

³⁵ Ламздорф В. Н. Дневник... С. 261.

³⁶ Kelly L. British Humanitarian Activity in Russia... P. 66.

губерний, пострадавших от неурожая» под председательством наследника престола, будущего императора Николая II, целью которого был сбор частных пожертвований и их распределение среди нуждающихся³⁷. Однако даже среди министерских чиновников эта инициатива вызвала критику: во-первых, в обществе ожидали большого пожертвования самого Александра III, а император, по сути, переложил сбор средств на общество; во-вторых, тем самым снималась ответственность с Министерства внутренних дел, в чьем ведении находился Общеимперский продовольственный капитал; в-третьих, всем было памятно дорогостоящее путешествие цесаревича в Японию, окончившееся в 1891 году (подданных возмущало, что наследник, потративший миллионы на увеселительное путешествие, не может собрать значительную сумму на такое серьезное дело)³⁸. При этом одни сотрудники комитета говорили, что цесаревич относится к делам Особого комитета с большим воодушевлением, другие – что, напротив, с безразличием³⁹.

Помимо сбора пожертвований, Особый комитет через своих уполномоченных изучал продовольственную ситуацию на местах, выявляя наиболее пострадавшие регионы. И хотя Особый комитет признавал несоответствующей действительности информацию об умирающих на улицах от голода людях, его уполномоченные отмечали бедственное положение поволжских и черноземных губерний. Крайне сложной была ситуация в татарских селениях, где земледелие было неразвито. При этом в Особом комитете обращали внимание, что бедственное положение случилось не из-за одного неурожайного года, но было подготовлено предшествующим бедственным положением крестьян, у которых оказались исчерпаны все запасы⁴⁰.

Привлечение внимания к теме народного бедствия консервативная печать расценивала как непатриотичное поведение. «Гражданин» князя В. П. Мещерского так отозвался на публикацию 22 января 1892 года в «Московских ведомостях» статьи Толстого «О голоде»: «Какие таинственные враги порядка, какие жида могли попутать редакцию „Московских ведомостей“ в виде передовой статьи пустить в обращение бешеный бред графа Льва Толстого?»⁴¹ Власти изъяли из обращения нераспроданный тираж газеты, в итоге цена за экземпляр «Московских ведомостей» со статьей Толстого на черном рынке достигала 25 рублей⁴². В 1897–1898 годах вновь случился неурожай, и возобновилась прежняя дискуссия власти и общества. Издатель газеты «Русский труд» С. Шарапов обвинял Л. Н. Толстого, опубликовавшего очередную статью «Голод или не голод?», в том, что тот стремится подорвать авторитет правительства и дискредитировать Россию на международной арене. Во время неурожая 1911–1912 годов, когда разговоры о голоде вновь стали актуальны, чиновники Симбирской губернии убеждали приехавших к ним корреспондентов, что никакого голода нет, его выдумали «жиды и масоны»⁴³. Соответственно, власти с подозрением относились к иностранной, в первую очередь американской, помощи голодающим. Корреспондент «Русского слова» А. С. Панкратов отмечал, что газетам предписывалось не высказывать «чрезмерную благодарность» американцам⁴⁴. В 1892 году Особый комитет в заключительной части своих отчетов, публиковавшихся в «Правительственном вестнике», упоминал об американской помощи, о прибывших в Россию кораблях с хлебом, отдельно отмечая, что привезенные грузы были доставлены в голодающие губернии «через посредство Особого комитета»⁴⁵.

³⁷ Правительственный вестник. 1891. 23 ноября.

³⁸ Ламздорф В. Н. Дневник... С. 207–208.

³⁹ Там же. С. 210.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 11. Л. 57 об.

⁴¹ Гражданин. 1892. 24 января.

⁴² Ламздорф В. Н. Дневник... С. 254.

⁴³ Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие... С. 90.

⁴⁴ Панкратов А. С. Без хлеба... С. 9.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 11. Л. 64 об., 68.

Неприятие консервативно-патриотической общественностью алармистских публикаций в российской прессе отчасти стало реакцией на публикационную активность русских эмигрантов-революционеров. В первую очередь – Общества друзей российской свободы, издававшего в Лондоне и Нью-Йорке газету «Свободная Россия», где в 1891–1892 годах регулярно печатались материалы о голоде, в которых в сложившемся бедственном положении крестьян обвинялся царизм⁴⁶. Даже в более умеренных публикациях указывалось на косвенную вину правительства: «Действующее правительство не несет ответственность за голод, но оно ответственно за общие условия, которые приводят к нему. Власти повинны не только в нищете населения, но и в невежестве людей, которые стремятся к образованию»⁴⁷. Революционер-народник С. М. Степняк-Кравчинский обвинял российские власти в воспрепятствовании деятельности частных благотворительных организаций в России ради сохранения политического контроля над обществом⁴⁸. Вместе с тем Общество друзей русской свободы организовывало сбор пожертвований в помощь голодающим, что вызывало неоднозначную реакцию в правых кругах. Как подчеркивает Л. Келли, не только эмигрантская пресса Великобритании, но и такие издания, как *Financial Times*, *Manchester Guardian*, *Economist*, поднимали проблему «дихотомии между неэффективным российским правительством, с одной стороны, и трудолюбивым крестьянством и „образованными классами“ – с другой»⁴⁹. Правая российская пресса выстраивала иную дихотомию: ленивого, пьющего крестьянства и трудолюбивого правительства. Все это препятствовало установлению более доверительных отношений между правительствами двух стран. Таким образом, голод становился еще и фактором международных отношений.

Как отмечают историки, деятельность иностранных гуманитарных миссий также вызвала опасения российского правительства, поскольку собранная ими информация могла дискредитировать власть⁵⁰. В дневниковой записи от 21 ноября 1891 года В. Н. Ламздорф приводит свидетельство об отклонении российским правительством поступивших из-за границы предложений организовать сбор пожертвований в помощь голодающим: «Не желают ни принимать денег, ни допускать проникновения внутрь страны иностранных филантропов. Однако предложение американцев нагрузить мукой русское судно... было принято как практическое и деликатное»⁵¹. Когда в феврале 1892 года стало известно об отправленном из Соединенных Штатов пароходе «Индиана», нагруженном мукой, министр иностранных дел Н. К. Гирс выражал обеспокоенность, «как бы вместо благодарности жертвователям их щедрый дар не был отослан обратно». Принимая помощь от Америки, российские власти подчеркивали, что это помощь американского народа, а не американского правительства, отношения с которым в период правления Александра III оставались прохладными. В 1880-е годы в общественном сознании американцев, во многом благодаря публикациям журналиста и путешественника Дж. Кеннана, оформился взгляд на Россию как на большую тюрьму, репрессивное государство. 25 декабря 1891 года журнал *North Western Miller* писал: «Совершенно естественно, что в нашей стране, где статьи мистера Кеннана о российской системе политической ссылки и его лекции о сибирских тюрьмах привлекли пристальное внимание и вызвали симпатию во всех слоях общества, где жестокость, допускаемая российским правительством по отношению к евреям, стала предметом резкого всеобщего осуждения, преобладает крайне враждебное отношение к деспотическому режиму в России. Что касается вопроса о политике российского правительства, то мы вряд ли сможем здесь что-либо сделать. Россия – огромная страна, дале-

⁴⁶ *Нечиторук Д. М.* Освещение голода в России 1891–1892 гг. на страницах газеты «Free Russia» // Клио. 2005. № 3 (30). С. 70–73.

⁴⁷ *Free Russia. American Edition.* 1892. Vol. 2. № 1. P. 4.

⁴⁸ *Ibid.* № 5. P. 5.

⁴⁹ *Kelly L.* *British Humanitarian Activity in Russia...* P. 53–54.

⁵⁰ *Ibid.* P. 64.

⁵¹ *Ламздорф В. Н.* *Дневник...* С. 202.

кая, незнакомая и непостижимая для западного мышления. Мы не сможем верно оценить ситуацию в России, т. к. мы не знакомы с тем многообразием причин, которые ее вызвали к жизни. Россия и ее обычаи находятся за пределами нашего понимания, потому что мы не имеем представления об ее общественных институтах. Это вопрос не политики, это вопрос гуманности. Мы знаем, что 20 миллионов крестьян умирают от голода. И этого достаточно. Так сделаем же все, что от нас зависит, чтобы облегчить их страдания. Что же касается вопроса о российском правительстве – оставим его решение самим россиянам»⁵². Американское правительство предложило направить в Россию своих представителей, чтобы организовать на местах распределение гуманитарной помощи, однако российские власти ответили отказом, сообщив, что «императорское правительство принимает с благодарностью пожертвования, делаемые частными обществами или лицами в пользу нуждающейся части нашего населения, но не признает возможным принимать предложения, исходящие прямо от иностранных правительств»⁵³. Прибывшая в июле 1892 года в Петербург американская делегация была удостоена приема, организованного цесаревичем Николаем (император в то время находился в Копенгагене). Всего в Россию из Америки прибыло пять пароходов, доставивших около 10 тысяч тонн продовольственных грузов; в американскую миссию в Санкт-Петербурге, а также на имя Л. Н. Толстого было отправлено пожертвований на 150 тысяч долларов.

Иностранная не только правительственная, но и общественная помощь могла заключать в себе определенный укор верховной российской власти: помочь голодающим откликнулись американские евреи, что в условиях антисемитской политики Александра III вызывало на Западе сарказм. В британском журнале «Панч» появилась карикатура, на которой был изображен российский император, стоящий с протянутой рукой перед евреем.

Преувеличение масштабов голода земскими служащими и либеральными кругами, равно как его недооценка госслужащими и консерваторами, нивелируются статистикой смертности и сопутствующих эпидемических заболеваний. Согласно исследованию Р. Роббинса, в пострадавших от неурожая губерниях в 1892 году сверхсмертность составила 406 тысяч человек⁵⁴. В это число вошли умершие как от дистрофии, так и от эпидемий. Количество смертей от холеры в пострадавших районах Роббинс определил в 10 тысяч человек. Как известно, вспышки холеры неизбежно наблюдаются у голодающего населения, санитарное состояние которого невозможно признать удовлетворительным. Общеизвестна и непосредственная связь голода с сыпным, или «голодным», тифом. Динамика заболеваемости тифом коррелирует с ухудшением питания населения, а также с большими скоплениями обездоленных людей, ищущих работы. Уполномоченные Особого комитета отмечали, например, «серьезный характер тифозной эпидемии» в Пензе из-за скопления пришедших в город в поисках работы голодающих крестьян⁵⁵. Эпидемии сыпного («голодного») тифа всегда сопровождали неурожаи. Так, в 1881 году, вслед за неурожаем 1880 года, в России вспыхнула эпидемия сыпного тифа, по размеру превзошедшая эпидемию военных лет (1877–1878)⁵⁶. Однако самая большая вспышка сыпного тифа началась после голодных 1891–1892 годов (в 1892 году было зарегистрировано 184 142 случая заболевания тифом и 604 406 случаев заболевания холерой⁵⁷) и продолжалась до 1894 года. Следующая такая крупная вспышка эпидемии произошла вслед за неурожаем 1907–1908 годов и продолжалась до 1913 года.

⁵² Цит. по: Журавлева В. И. «Это вопрос не политики, это вопрос гуманности». Документы о помощи американского народа во время голода в России 1891–1892 гг. <http://istmat.info/node/45572>.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Robbins R. G. Famine in Russia, 1891–1892. Columbia University Press, 1975.

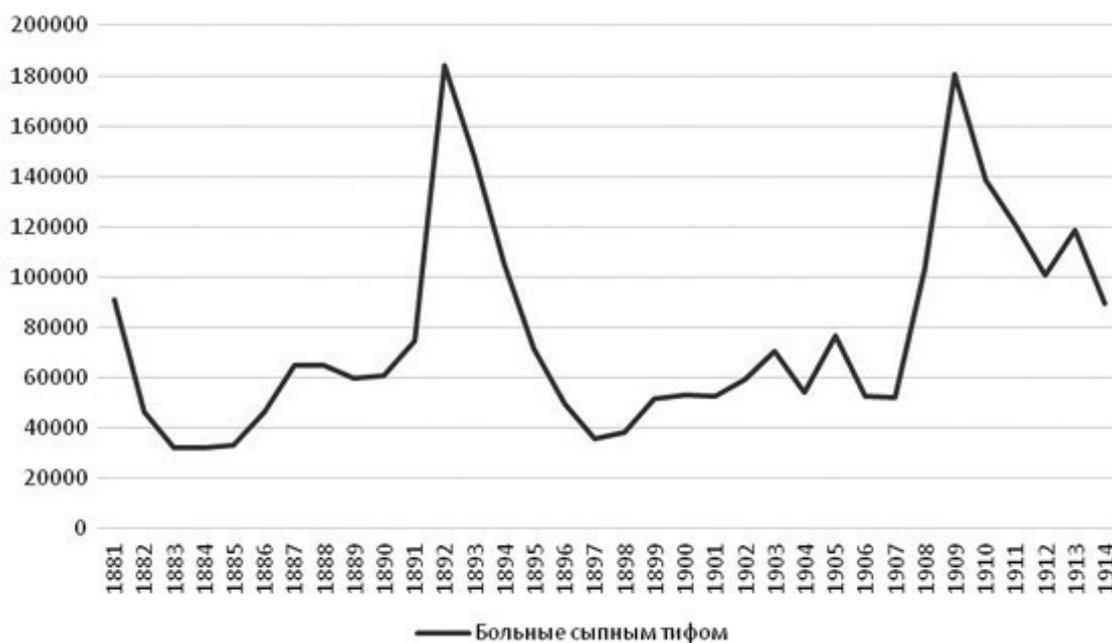
⁵⁵ РГИА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 11. Л. 71.

⁵⁶ Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел Российской империи за 1881 г. СПб., 1881.

⁵⁷ Васильев К. Г., Сигал А. Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. С. 270.

«Кровь» против «золота» (Александр III просит денег у еврея). *Punch*. 1891. May 16.
P. 535

Заболееваемость сыпным («голодным») тифом в России ⁵⁸

В 1900–1907 годах А. И. Шингарев по заданию Воронежского земского санитарного совета проводил исследование санитарно-эпидемического состояния самых неблагополучных в уезде сел Н.-Животинное и Моховатка и пришел к выводу о связи санитарного и экономического состояния крестьянских хозяйств, назвав главной причиной бедности малоземелье⁵⁹. Особенно обострился этот вопрос в период революции 1905–1907 годов, что следует из массовых крестьянских волнений и ряда внесенных в Первую и Вторую Государственные думы аграрных проектов.

С 1900 года стараниями очередного министра внутренних дел Д. С. Сипягина земства были отстранены от участия в продовольственном деле, которое было окончательно передано в ведение МВД, с целью большей централизации управления продовольственной политикой. Тем не менее очередной неурожай 1901 года неожиданно для властей привел к массовым крестьянским волнениям весной 1902 года, которые пришлось подавлять с помощью войск. Хотя неурожай 1901 года уступал неурожаю 1891 года, новое поколение крестьян, родившихся в пореформенной деревне, не желало, в отличие от старшего поколения, мириться со своим бедственным положением. Эти события, согласно теории В. П. Данилова, положили начало «длинной» крестьянской революции 1902–1922 годов⁶⁰. В этот период громче зазвучали требования «черного передела», а действия крестьян стали более агрессивными. Арестованные за участие в беспорядках крестьяне свидетельствовали на судах: «Позвольте рассказать вам о нашей мужичьей, несчастной жизни. У меня отец и 6 малолетних (без матери) детей и надо жить с усадьбой в $\frac{3}{4}$ десятины и $\frac{1}{4}$ десятины полевой земли. За пастьбу коровы мы платим... 12 руб., а за десятину под хлеб надо работать 3 десятины уборки. Жить нам так нельзя. Мы в петле. Что же нам делать? Обращались мы, мужики, всюду... нигде нас не принимают, нигде нам нет помощи»⁶¹. Изучение многочисленных источников, описывающих состояние крестьян-

⁵⁸ Составлено по: Васильев К. Г., Сигал А. Е. История эпидемий в России. С. 323–324.

⁵⁹ Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Изд. 2-е. СПб., 1907.

⁶⁰ Данилов В. П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.

⁶¹ Цит. по: Данилов В. П. Крестьянская революция в России...

ских хозяйств и массовые настроения народа, легко опровергает лукавую статистику якобы высокого благосостояния деревни.

События 1905–1907 годов показали необходимость решения аграрного вопроса. В 1905 году крестьянское движение началось с разграбления помещичьих усадеб и изъятия хлебных запасов с их последующим «справедливым» распределением среди нуждающихся. Свои самочинные захваты крестьяне нередко легитимировали на сельских сходах, вынося свои «приговоры». Крестьянское движение вынесло неудовлетворительную оценку всей аграрной (в том числе продовольственной) политике государства. Власти вынуждены были признать необходимость решения аграрного вопроса. Начавшаяся в 1906 году реформа П. А. Столыпина, предполагавшая право свободного выхода крестьян из общины с передачей наделов в собственность (о чем в свое время говорили Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте), столкнулась с инертностью крестьянской массы, господством общинной психологии. Переделы земли, сопровождавшие выход из общины крестьян-отрубников, вызывали в деревне конфликты, особенно обострившиеся в годы Первой мировой войны, что вынудило власти в 1915 году приостановить реформу. Лишившись тактических возможностей влияния на продовольственную ситуацию, земства сконцентрировались на задаче стратегической: поднятии агрикультурного уровня российской деревни. Историки указывают на рационализацию крестьянской жизни в период столыпинской реформы, отмечая усиливающееся влияние в провинции земских деятелей, в частности на работу агрономов. Вместе с тем отмечают текучку кадров, эпизодичность появления агрономов в отдаленных от уездных центров деревнях, что не могло в сжатые сроки изменить традиционные методы хозяйствования⁶².

В целом продовольственная ситуация в неурожайные 1911–1912 годы принципиально не отличалась от 1891–1892 годов: ссуды не выдавали, общественные работы доставались не всем, имели место случаи разгрома крестьянами продовольственных складов. Беднота в наиболее пострадавших губерниях занимала хлеб у кулаков и закладывала им свои душевые наделы, что усиливало в деревнях пауперизацию и социальную напряженность. Корреспондент «Русского слова» А. С. Панкратов записывал разговоры в деревне осенью 1911 года: «Одна теперь песня в деревне: умрем зимой... Разговор в народе идет страшный. Иду намеренно мимо толпы, один мужик говорит: „Скотину-то мы знаем куда девать, – зарежем и съедим без хлеба, – а куда детей денешь?“»⁶³ Земская учительница с 25-летним стажем в Казанской губернии Е. И. Лебедева рассказывала: «Детей больно жалко... Никогда я не видела их такими бледными, слабосильными, как сейчас. Под глазами темные круги, и кожа такая тонкая-тонкая, совсем прозрачная. Это голод. Матери в полдень прибегают в школу и одевают детей чечевичными лепешками. Это, значит, ребята ничего с утра уже не едят»⁶⁴. Губернские власти в своих отчетах старались смягчить данные о бедственном положении крестьян. Даже на уровне земской статистики обнаруживались нарушения, куда вписывались непроверенные цифры об урожае по уездам, в том числе в сторону завышения⁶⁵.

Начавшаяся Первая мировая война добавила новых проблем, тем более что лето 1914 года выдалось чрезвычайно жарким. Крестьянин Вологодской губернии А. А. Замараев так описывал июнь: «Кажется, приходит черный год. С осени придется или всю скотину убивать и отдавать за бесценок, потому что и в лугах и на мягких пожнях травы ничего нет, не говоря уже про сухие, на которые нечего с косой ходить. Леса горят. Оводу много. Днем нельзя работать... Земля как камень, дождя нет, жар... Опять молебн, все о дожде... В деревнях и в домах везде дым от горящего леса. Солнце показывается красное, кровавое. Днем

⁶² Matsuzato K. The Fate of Agronomists in Russia: Their Quantitative Dynamics from 1911 to 1916 // The Russian Review. Vol. 55. 1996. April. P. 174–180.

⁶³ Панкратов А. С. Без хлеба... С. 72.

⁶⁴ Панкратов А. С. Без хлеба... С. 72.

⁶⁵ Там же. С. 84.

работать нельзя...»⁶⁶ Мобилизацию объявили в самый разгар сельскохозяйственных работ. На фронт были призваны примерно 47,4% от числа трудоспособных мужчин, при этом в некоторых губерниях и областях – Витебской, Вологодской, Киевской, Курской, Могилевской, Олонецкой, Черниговской, Ярославской, Акмолинской, Алтайской, Амурской, Забайкальской, Тобольской, Томской – процент был выше 50⁶⁷. Отчасти ситуацию удавалось разрешить с помощью военнопленных, которых прикрепляли к крестьянским дворам. По сведениям Главного управления Генерального штаба, к 1 сентября 1915 года в разных видах работ было задействовано 553 247 военнопленных⁶⁸. Первоначально их привлекали лишь к казенным и общественным работам, но с 1915 года новые правила предусматривали использование труда военнопленных в частных хозяйствах⁶⁹. Местная администрация положительно оценивала их работу. Так, предводитель дворянства города Аткарска Саратовской губернии фон Гардер в апреле 1915 года писал: «У нас сев идет благополучно и недорого благодаря военнопленным; они работают недурно»⁷⁰.

Другой удар по крестьянским хозяйствам был нанесен реквизициями скота и лошадей. По подсчетам Г. И. Шигалина, за время войны из сельского хозяйства было изъято 10% лошадей, причем взрослых, наиболее работоспособных, в то время как в деревне увеличивался процент молодняка и жеребят (до 22%), а также старых кляч⁷¹. Впоследствии к реквизициям лошадей и рогатого скота добавились реквизиции зерна по твердым ценам, первоначально затрагивавшие лишь часть районов, а с конца 1916 года уже на всех крестьян обрушилась объявленная новым министром земледелия А. А. Риттихом продрозверстка.

Новой проблемой для тыловых губерний стало массовое бегство и насильственные депортации немцев, австрийцев, а также евреев. Их концентрация в тыловых губерниях не только ухудшала продовольственную ситуацию, но и способствовала распространению эпидемий холеры и тифа. Война сильно ударила по благосостоянию населения, и с целью организации ему помощи в апреле 1916 года была создана межведомственная комиссия, составившая временные правила по оказанию ссудной помощи пострадавшему от войны населению. Рассчитывать на помощь могли не все подданные империи, но лишь те, кто владел землей в сельской местности, в том числе приходские священники, а также владельцы недвижимости в городах и лица, имевшие вклады в кредитных учреждениях. Ссуды решили сделать беспроцентными, хотя министр финансов П. Л. Барк настаивал на 6% с выдаваемых ссуд. При этом беженцы, которые успели получить казенный продовольственный или квартирный паек, лишались возможности получить ссуду. Всего из средств государственного казначейства выделялось 50 млн рублей⁷².

Несмотря на чрезвычайную ситуацию, отношение властей к низовым инициативам не стало более благожелательным: психологическую атмосферу усугубляла достигшая уровня психического расстройства массовая шпиономания. В этом контексте властям представлялась подозрительной и миссия английских квакеров, прибывших в Россию в 1916 году. Подозрительность была связана как с их религиозной спецификой (Церковь, слившаяся в синодальный период с государством, отличалась непримиримой позицией к сектантам), так и пацифистскими идеями. С началом Первой мировой войны власть автоматически записывала всех пацифистов в число предателей и шпионов. Показательно, что одним из первых процессов военного времени стало дело против толстовцев, распространявших пацифистские воззвания

⁶⁶ Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 гг. М., 1995. С. 85.

⁶⁷ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 120.

⁶⁸ Земледельческая газета. 1915. № 44. С. 1215.

⁶⁹ Земледельческая газета. 1915. № 6. С. 169.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1005. Л. 82.

⁷¹ Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956.

⁷² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917/1916. М., 2008. С. 172.

«Опомнитесь, люди-братья!» и «Милые братья и сестры!». В ноябре 1914 года началось следствие по делу депутатов-пораженцев от социал-демократической фракции.

Приезд квакеров в Россию в 1916 году по-разному объясняется современными исследователями. В литературе встречается версия, что инициатива якобы исходила от С. Д. Сазонова, который «разослал письма с просьбой о помощи в страны-союзницы», однако самого письма никто из исследователей не видел⁷³. В действительности Совет министров не намеревался просить об иностранной гуманитарной помощи, напротив, правительство принимало решения об оказании помощи пострадавшим от войны сербам и черногорцам⁷⁴. Признание собственной неспособности решить внутреннюю проблему с пострадавшим от войны населением (в том числе тех категорий депортированных групп – этнических немцев и евреев, – в критическом положении которых была повинна сама власть) представлялось дискредитирующим Россию на международной арене. Рут Фрай вспоминала, что миссия квакеров в 1916 году началась благодаря просочившимся в Лондон слухам о бедственном положении беженцев в России⁷⁵. После чего она лично обратилась за помощью к сотруднику российского посольства Е. В. Саблину, и тот, связавшись с Министерством иностранных дел, организовал квакерам разрешение на въезд.

Прибыв в Россию, квакеры встретились не только с петроградскими чиновниками, но и провели в Москве переговоры с главой объединенного комитета Земского союза и Союза городов князем Г. Е. Львовым – будущим председателем Временного правительства. В условиях политического кризиса 1915–1916 годов, когда обсуждалась инициатива Прогрессивного блока депутатов Государственной думы о создании «правительства доверия», членом которого мог стать Г. Е. Львов, контакты квакеров с либеральным общественным деятелем могли вызвать в определенных кругах подозрения. Впрочем, квакеры оставались вне политики и из Москвы направились в город Бузулук Самарской губернии, где, по полученной от Львова информации, сложилась особенно тяжелая ситуация с беженцами. Всего в Бузулукском уезде с 1916-го по осень 1918 года работали примерно тридцать квакеров; они организовали пункты питания, открыли школы, кустарные мастерские для беженцев, вели программу обучения ремеслу. Миссия квакеров проходила при тесных контактах с местным земством. Тем не менее, согласно письмам Теодора Ригга, некоторые представители губернской администрации «никак не могли взять в толк, почему это мы интересуемся беженцами, и подозревали, что наша предполагаемая работа с беженцами – это часть какого-то плана союзнической дипломатии в России»⁷⁶. По мере приближения к 1917 году в консервативных кругах российского общества усиливалось недоверие к союзникам вообще и англичанам в частности; английского посла в России Дж. Бьюкенена подозревали в подготовке государственного переворота⁷⁷. В условиях распространявшихся холеры и тифа реанимировались традиционные слухи о том, что «агенты англичанки» отравляют колодцы. Впрочем, согласно воспоминаниям квакеров, подобные слухи не мешали их деятельности и местное население относилось к ним с благодарностью. В 1918 году к английским квакерам, оказавшимся по соседству с восставшими войсками атамана А. И. Дутова и восставшими чехами, с подозрением относились большевики, считавшие, что контрреволюция осуществляется на деньги Англии и Франции⁷⁸. Тем не менее выданные наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным документы обеспечивали английским квакерам относительную безопасность в Советской России.

⁷³ Kelly L. *British Humanitarian Activity in Russia, 1890–1923*... P. 163; Горбенко А. И. Квакеры // Православная энциклопедия. <http://www.pravenc.ru/text/1684005.html> (дата обращения 28.04.2020).

⁷⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1907–1917/1916. М., 2008. С. 43, 73.

⁷⁵ Fry A. R. *A Quaker Adventure: The Story of Nine Years' Relief and Reconstruction*. London: Nisbet, 1927. P. 184.

⁷⁶ Ригг Т. Хроника квакерского работника в России. 1916–1918. Часть 1. <https://quakers.ru/хроника-1916-1918/>.

⁷⁷ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. 1914–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1960. С. 230.

⁷⁸ Ригг Т. Хроника квакерского работника в России. 1916–1918. Часть 1. <https://quakers.ru/хроника-1916-1918/>.

В годы Первой мировой войны власти использовали тему голода в своей патриотической пропаганде, доказывая, что Германия обречена на поражение вследствие того, что у нее истощены продовольственные запасы. Однако эта стратегия неожиданно дала сбой: российские обыватели, страдавшие от роста инфляции, ухудшения снабжения городов продовольственными товарами, автоматически переадресовывали любые упоминания о немецком голоде российской действительности. В дни Февральской революции полковник П. А. Половцов, обыскивая типографию на Галерной, не без сарказма отметил, что в ней не нашлось ничего интересного, «кроме сводки, приготовленной из всех сведений Министерства иностранных дел, доказывающей, что вся Германия через несколько дней помрет с голоду»⁷⁹. Собственно, сама революция началась с беспорядков 23 февраля 1917 года напуганных угрозой приближающегося голода женщин-работниц. Этому предшествовали слухи о том, что в Петрограде закончились запасы муки, из-за которых испуганные обыватели принялись активно скупать хлеб про запас, что действительно привело к временным перебоям в продаже хлебных изделий⁸⁰. Пришедшее к власти Временное правительство было вынуждено ввести карточки на хлеб.

Революция 1917 года, казалось, должна была осуществить давнишнюю мечту крестьян о «черном переделе». Уже в апреле начались массовые захваты крестьянами помещичьих земель, которые в отдельных губерниях легитимировались местными крестьянскими Советами. На прошедшем в мае 1917 года Первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов было решено отложить окончательное решение земельного вопроса до Учредительного собрания, тем не менее в его резолюцию вошло положение о создании в селах земельных комитетов, которые должны были взять под контроль «все земли». Принятый большевиками Декрет о земле от 28 октября 1917 года предусматривал конфискацию всех помещичьих земель. Однако начавшаяся Гражданская война показала, что ни советская власть, ни власть антибольшевистских правительств не учитывали интересы крестьянства. Как отмечают специалисты, земельная политика большевиков не решила проблему крестьянского малоземелья, но чрезмерной регламентацией сельскохозяйственной деятельности способствовала архаизации деревни, отбрасыванию ее на уровень 1880-х годов⁸¹.

Начатая большевиками политика продразверстки, обернувшаяся неприкрытым грабежом продотрядами сельских тружеников (изымавшими в том числе посевные семена), стала одним из главных факторов разорения крестьян в 1919–1921 годах и начавшегося голода в деревне. Хотя голоду 1921–1922 годов также предшествовала засуха, на этот раз природный фактор оказался второстепенным, так как главной причиной было стремление советской власти любой ценой прокормить многомиллионную Красную армию и победить в Гражданской войне. Этот «искусственный голод» захватил 35 губерний Поволжья, Южного Урала, Украины, Средней Азии, Западной Сибири; по данным советского Центрального статистического управления, дефицит населения в 1920–1922 годах составил 5 млн человек. Другим последствием голода стала целая армия беспризорных детей. Масштабов эпидемий достигли тиф и холера, имели место случаи людоедства.

В марте 1921 года, после массовых протестов крестьян и рабочих, продразверстка была заменена продовольственным налогом. Это ознаменовало окончание политики военного коммунизма и начало новой экономической политики (НЭПа). К тому времени основные боевые действия Гражданской войны против белых армий были завершены, и главную для себя

⁷⁹ Половцов А. П. Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 33.

⁸⁰ Аксенов В. Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 года // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32.

⁸¹ См.: Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

угрозу власть видела исходящей от крестьянства. Летом 1921 года Красная армия подавила Тамбовское восстание, однако параллельно разгоралось Западно-Сибирское крестьянское восстание, окончательно подавленное лишь к концу 1922 года. Политика НЭПа стала вынужденной мерой, направленной на восстановление разрушенного Гражданской войной хозяйства и умиротворение населения. В деревне стало поощряться развитие кооперативного хозяйства. В. И. Ленин в статье «О кооперации» называл его наиболее легким для крестьянина способом перехода к социализму⁸². Вместе с тем внутри новой экономической политики сохранялись непримиримые противоречия: частное обогащение никак не могло привести к социализму. Поэтому в то же самое время, когда Н. И. Бухарин бросил крестьянам свой лозунг «Обогащайтесь!», Е. А. Преображенский потребовал усиления борьбы с кулачеством. Развитию кооперативного движения препятствовала налоговая политика советской власти, ложившаяся тяжелым бременем на зажиточные хозяйства и способствовавшая тому, что кооперация ориентировалась на бедноту, что приводило к «осереднячиванию деревни»⁸³. Советская власть неизбежно должна была определиться с последующим курсом, но пока, в 1921–1922 годах, наблюдалась некоторая либерализация политики, вслед за экономикой «новый курс» проявлялся в социальной жизни и внешней политике. Обращение к западным странам за помощью создавало образ новой, открытой Советской России. Особая роль могла здесь отводиться сектантам, которые были убежденными пацифистами: на проходившей весной 1922 года Генуэзской конференции Г. В. Чичерин от имени советской делегации выдвинул предложение о всеобщем разоружении и мирном сосуществовании. Образ Советской России как миролюбивой страны должен был содействовать ее международному признанию. Соответственно, провал советских предложений в Генуе и затем Гааге сделал неактуальными для советской власти антимилиитаристские позиции сектантов в свете ее новых планов по развитию военной промышленности, основы которых заложил Раппальский мирный договор с Германией (1922). Все эти обстоятельства сказались и на борьбе с голодом.

В отличие от царского правительства, советская власть не имела продовольственных капиталов, поэтому уже в июле 1921 года она была вынуждена обратиться за помощью к иностранным государствам и общественности. В это же самое время за рубежом, за счет золотых запасов Российской империи, закупалось зерно, а в стране усилились реквизиции церковного имущества. В этот период иностранная помощь достигла беспрецедентных размеров. Ее оказывали Организация общеевропейской помощи голодающим России под руководством Ф. Нансена, Американская администрация помощи (АРА), возглавляемая будущим президентом США Г. Гувером, Объединенный распределительный комитет американских фондов помощи евреям, пострадавшим от войны («Джойнт»), ряд религиозно-благотворительных организаций. При этом гуманитарная помощь большевикам вызывала на Западе смешанные чувства. Художник «Панча» нарисовал карикатуру, изображавшую Ленина, который пришел просить Благотворительность спасти Советскую Республику, и Благотворительность, которая ему отвечала, что готова спасти не Советскую Республику, а ее жертв – голодающих крестьян.

В Англии вызывала беспокойство внешняя политика Советской России. На другой карикатуре был изображен большевик с плакатом, часть которого была обращена к Англии и призывала помочь голодающим в России, а другая часть – к Индии, где написано «К черту Англию».

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

⁸³ Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 140.

Утверждение гуманизма. Punch. 1921. August 17. P. 131

Двойной дилер. Punch. 1921. September 28. P. 243

Несмотря на то что советское правительство само обратилось за помощью к Западу, в отношении приезжавших в страну иностранцев сохранялась известная подозрительность. АРА практически сразу была отнесена советскими органами к числу шпионских организаций, а иностранные и советские сотрудники АРА с самого начала оказались под наблюдением ВЧК – ГПУ. В приказе ВЧК от октября 1921 года «О чекобслуживании иностранцев» говорилось, что американские сотрудники АРА занимаются разведывательной деятельностью и формируют шпионские сети. Определенные основания для таких подозрений были: некоторые

члены АРА ранее сотрудничали с белыми правительствами и не питали симпатий к советской власти, выражая свое отношение к ней в беседах с местным населением, что и фиксировали сотрудники ВЧК – ГПУ. Иногда это приводило к арестам представителей АРА. Летом 1923 года, в связи с нормализацией продовольственной ситуации, деятельность АРА на территории России прекратилась.

Роль Американской администрации помощи в голодные годы сложно переоценить. Первоначально АРА оказывала поддержку голодающим детям в возрасте до 14 лет – только в первый месяц работы в Петрограде было открыто 120 столовых для детей, – а с декабря 1921 года помощь оказывалась и взрослому населению. За два года работы в Советской России АРА израсходовала 78 млн долларов (из них 13 млн – деньги советского правительства). Весной 1922 года АРА обеспечивала продовольствием более 6 млн человек в России, на втором месте по размеру оказанной помощи были американское и английское общества квакеров, кормившие, по разным оценкам, от 265 до 411 тысяч человек.

Как ни парадоксально, отношение советской власти к квакерам было довольно терпимым. Исследователь Д. Макфадден считает, что именно квакеры, которые первыми из зарубежных организаций заключили соглашение с Советской Россией в 1920 году, обеспечили успех переговоров советского правительства с Г. Гувером (выходцем из квакерской семьи)⁸⁴. Помощь квакеров рассматривалась советскими полномочными представителями как исключительно филантропическая, при этом отмечалась их политическая лояльность, в то время как меннонитов, баптистов и католиков сотрудники ВЧК – ГПУ характеризовали как враждебно настроенных к советской власти. Т. П. Назарова объясняет это, во-первых, отсутствием у квакеров религиозных последователей в России (в отличие от представителей прочих сект и конфессий), во-вторых, тем, что, в отличие от АРА и других организаций, квакеры, оказывая помощь, не выдвигали советскому правительству никаких условий, в-третьих, тем, что квакеры не были связаны ни с какими «буржуазными» правительствами⁸⁵. Вместе с тем можно предложить еще одно объяснение терпимости к квакерам большевиков. Дело в том, что с точки зрения Русской православной церкви квакеры были сектантами (представителей русского сектантства Церковь порой именовала «квакерами», используя специфическое звучание этого слова в русском языке). Квакеры поддерживали отношения с толстовцами (а также с сыновьями и внуком Л. Н. Толстого), гонимыми царской властью и официальной церковью; имеется информация о том, что квакеры проводили совместные молитвы с добролюбивцами; в XIX веке русских хлыстов иногда ошибочно называли квакерами. Религиозная политика большевиков в 1920-е годы предполагала дискредитацию Православной церкви и отрешение от нее массы верующих. В этом и должны были помочь советской власти сектанты, предлагавшие народные, альтернативные религиозные представления. Накануне революции 1917 года на фоне расцерковления прихожан в обществе возросла популярность различных «братцев от народа»⁸⁶.

Голод стал для государства поводом к наступлению на Церковь. Однако, как и в 1891 году, общество более чутко отреагировало на опасность массового голода, чем официальная власть. О необходимости начать борьбу с голодом заговорили в июне 1921 года участники VII Всероссийского съезда по сельскохозяйственному делу, проходившего в Московском обществе сельского хозяйства. По предложению участников съезда М. Горький внес на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о создании Всероссийского комитета помощи голо-

⁸⁴ Макфадден Д. От квакерского служения к квакерскому присутствию: квакеры в Советской России 1917–1927 гг. // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М., 1997. С. 285–300.

⁸⁵ Назарова Т. П. «Общество Друзей» в Советской России (1920-е годы) // Вестник ВолГУ. 2010. Серия 9. Вып. 8. Ч. 2. С. 8–9.

⁸⁶ Аксенов В. Б. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 272–303.

дающим, и 21 июля ВЦИК утвердил статус ВК Помгола во главе с Л. Б. Каменевым, а также Центрального комитета Помгола во главе с М. И. Калининым. Церковь несколько отставала от правительства в деле централизованной борьбы с голодом. В августе 1921 года был образован Всероссийский Церковный комитет помощи голодающим, начавший сбор пожертвований. Правительство не подтвердило полномочия этого комитета, и все собранные пожертвования были переданы ЦК Помгола. Патриарх Тихон обратился к Помголу с посланием, в котором выразил готовность Церкви добровольно пожертвовать часть имущества в пользу голодающих. На основе этого послания была составлена инструкция Помгола, в которой о добровольном статусе церковных пожертвований не упоминалось. 22 января 1922 года ВЦИК принял постановление «О ликвидации церковного имущества», в котором говорилось о необходимости насильственного изъятия ценностей для помощи голодающим у представителей всех религий – при условии, что изъятие «не может существенно затронуть интересы самого культа». При этом разъяснений о том, как определять, существенно ли затронуты «интересы культа», не давалось, поэтому на практике изъятие ценностей превратилось в разграбление храмов.

Если власть рассматривала Церковь как своего опасного конкурента в борьбе с голодом, то взаимоотношения с сектами в этом деле представлялись советской власти временно целесообразными. У большевиков уже был дореволюционный опыт взаимодействия с сектантами. А. Эткинд отмечает сложившиеся еще до революции некоторые симпатии В. И. Ленина к русским сектантам; Ю. Слезкин и вовсе называет самих большевиков «милленаристской сектой»⁸⁷. Согласно А. Эткинду, толстовцы П. И. Бирюков и И. М. Трегубов совместно с В. Д. Бонч-Бруевичем разрабатывали проект, по которому сектанты должны были стать неким связующим мостом между коммунистами и крестьянами. 4 января 1919 года в интересах сектантов-антимилитаристов был издан декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Исследователи называют 1920-е годы временем расцвета сект при одновременном стеснении прав Православной церкви⁸⁸. В марте 1921 года в Москве под контролем советской власти прошел Всероссийский съезд сектантских сельскохозяйственных и производственных объединений, большинство на котором получили баптисты. 5 октября 1921 года Народный комиссариат земледелия принял воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», в котором предлагал сектантам вернуться в Россию и получить землю: «Сектанты и старообрядцы России, принадлежащие по большей части к крестьянскому населению, имеют за собой нередко многовековой опыт общинной жизни. Мы знаем, что в России имеется много сект, приверженцы которых, согласно их учению, издавна стремятся к общинной, коммунистической жизни... Все правительства, все власти, все законы во всем мире, во все времена, всегда шли против такой жизни, и сектантов за это во всех странах, в том числе и в России, жгли на кострах, убивали, мучили, гноили в тюрьмах, разрывали их общины и рассылали в ссылки по разным углам земли и всячески преследовали, но они оставались твердыми в своих убеждениях и, умирая, завещали своим братьям продолжать ту же борьбу, ту же общинную жизнь... И вот теперь настало время, когда все сектанты, какого бы вероисповедания они ни были, даже самые скрытные из них, до сего времени боявшиеся себя обнаружить, как, например, корабли Старого Израиля и людей Божиих – (те, кого ранее ругали, хлыстами), – скопцы различных оттенков, мормоны и другие, а также из старообрядцев – крайние ответвления Спасова согласия, те, кого в просторечии называют нетовцами, бегунами, скрытниками и прочие тому подобные, решительно все могут себя вполне спокойно обнаружить и твердо знать, что за их учение никто, никогда, никого не будет преследовать»⁸⁹.

⁸⁷ См.: Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 2019; Слезкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. М., 2019.

⁸⁸ Батченко В. С. Власть и вера. Антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области. 1929–1934. М., 2019. С. 32.

⁸⁹ Вестник духовных христиан – молокан. 1925. № 1–2.

Предполагалось, что сектанты, в силу своих общинных и коллективистских традиций, охотно будут вступать в совхозы, подавая пример основной массе крестьян, а также будут участвовать в развитии кооперативных хозяйств. В рамках задачи по преодолению голода и восстановлению сельского хозяйства важны были рационалистические методы хозяйствования, в том числе по привлечению механизированных орудий труда. В. И. Ленин лично следил за результатами деятельности в Пермской губернии Американского тракторного отряда под руководством Г. Вэра⁹⁰. В этом деле квакеры также добились определенных успехов: ими было закуплено в Польше несколько десятков тракторов «Форд». Заботились квакеры и о восстановлении поголовья лошадей, для закупки рабочего скота они отправлялись в далекие сибирские губернии.

Для реализации проекта по заселению сектантами пустующих сельскохозяйственных земель была создана Комиссия (ОРГКОМСЕКТ), в состав которой вошел сектант-молоканин Н. Михайлов. Однако сами сектанты оценивали результаты деятельности этой комиссии как неудовлетворительные. Когда голод был преодолен, сектанты в глазах власти превратились в «кулацкий и полукулацкий элемент», носителей мелкобуржуазной психологии. Начальник VI отделения секретного отдела ОГПУ, занимавшегося борьбой с религиозными организациями, Е. А. Тучков в сентябре 1923 года в своем докладе сообщал: «Свою антисоветскую деятельность сектанты, главным образом баптисты, евангелисты и толстовцы, проявляют в проповедях, песнях, молитвах и антимилитаристическом отношении к государству вообще и к воинской повинности в частности»⁹¹. Как следствие – ОГПУ обрушило репрессии на сектантов, которых ссылали в Нарымский край, на Соловки. В докладной записке евангельских христиан-трезвенников в ЦК РКП(б) 18 февраля 1924 года делался вывод: «Советская власть в лице ГПУ возвратилась к старой тактике царских гонителей за веру»⁹². Несколько тысяч меннонитов выехали из СССР.

Следует заметить, что многие сектанты искренне поверили в то, что при советской власти они смогут получить ту долгожданную духовную свободу, свободу вероисповедания, о которой мечтали в дореволюционное время, и, как следствие, чересчур активно включились в строительство новой жизни. Помимо прочего, сектанты позволяли себе «неканоническую» интерпретацию коммунизма: создавая крестьянские коммуны и кооперативы, они заявляли, что «проповедуют идеи коммунизма в чистом виде»⁹³. Кроме того, власти с раздражением отмечали создание сектантами параллельных комсомолу собственных молодежных организаций: бапсомола, христомола и трезвомола (которые начали появляться в России еще в 1905–1908 годах). В апреле 1926 года на Всесоюзном совещании по антирелигиозной пропаганде воссоздание религиозных молодежных движений было охарактеризовано как попытка подменить советскую комсомольскую организацию. 22 августа 1927 года ВЦИК издал циркуляр «Об ограничении сектантов», в котором говорилось о чрезмерном расширении деятельности сектантских организаций, недопустимости открытия сектантскими организациями детских кружков и запрещалось регистрировать старые и новые религиозные объединения граждан, «не признающих налогов, воинской повинности и вообще каких-либо обязательных государственных повинностей»⁹⁴. Квакеры занимали более осторожную позицию в социально-политических вопросах, поэтому им удалось продержаться немногим дольше, чем другим сектантам. При этом образовательные инициативы квакеров также вызывали неприятие советских орга-

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 231–232.

⁹¹ Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991. Документы и материалы. В 6 т. Т. 1. 1917–1924. В 4 кн. Кн. 3. М., 2018. С. 738.

⁹² Цит. по: Там же. С. 711.

⁹³ Проскурина А. В. Сектантское движение в Псковской губернии в первой половине 1920-х гг. // Псков. 2006. № 25. С. 193.

⁹⁴ Цит. по: Батченко В. С. Власть и вера. Антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. М., 2019. С. 256–257.

нов власти. В 1931 году, последним из числа иностранных благотворительных организаций, был закрыт московский квакерский офис.

Таким образом, в 1891–1922 годах тема голода и борьбы с ним была исключительно политизирована: власть и общество по-разному оценивали масштабы народного бедствия, предлагали разные стратегии по его преодолению. В то время как либеральные общественные деятели, руководствуясь гуманистическими принципами, призывали власти безвозмездно помогать крестьянству, правительство настаивало на выдаче возвратных ссуд, так как опасалось, что безвозмездная помощь приведет к развитию иждивенческих настроений в деревне и со временем склонит народ к бунту. Вместе с тем гуманитарные миссии российской интеллигенции становились важным фактором выработки гражданской идентичности. При этом с особым подозрением правые круги относились к иностранной помощи, усматривая в ней опасность дискредитации России на международной арене. Только в 1921 году уже советское правительство впервые официально обратилось за помощью к иностранным государствам, учитывая катастрофическую ситуацию в сельском хозяйстве, спровоцированную войной и политикой военного коммунизма. Однако откликнувшиеся на призыв советской власти иностранные гуманитарные миссии на деле оказались заложниками временной политики большевиков, не предполагавших долгого сохранения «нового курса» после решения основных сельскохозяйственных вопросов.

Владислав Аксенов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПО СЛЕДАМ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ

«Знаешь, в Советской России даже плакат такой сделали: „Учитесь работать у квакеров“, настолько их там уважали и ценили», – сказал мне Билл Чадкирк, заведующий отделом Квакерских международных общественных проектов в Доме Друзей в Лондоне. Он вышел из своего кабинета перекинуться со мной парой слов, когда я заехал в британскую столицу после участия в квакерском проекте в городе Дадли в 1993 году. Билл сильно удивил меня. Квакеры в большевистской России? Религиозное общество Друзей в стране воинствующего безбожия? «Да, именно так, – подтвердил Билл, – в городе Бузулук». Я и города-то такого не знал, а Билл оказался в курсе даже того, что было это в Самарской губернии во время голода в Поволжье. Именно он, Билл Чадкирк, побудил меня к тому, чтобы взяться за эту историю.

Встреча наша состоялась летом, а зимой Билл прислал мне свою рукопись «Famine And Relief» («Голод и помощь»), написанную на основе доступных ему материалов. Прочитав ее, я понял, как мало в России известно о квакерах и их работе во времена голода в Поволжье, и мне захотелось самому исследовать эту тему и поделиться добытой информацией с моими соотечественниками.

Не имея опыта работы в архивах, в эпоху, когда интернет был еще диковинкой в наших краях, я для начала узнал в областном архиве Петербурга адрес Бузулукского архива.

В ответ на мой запрос оттуда пришло уведомление, что никакими документами о работе в городе квакеров в интересующий меня период архив не располагает. Но недели через две меня разбудил телефонный звонок. Любезная сотрудница архива в Бузулуке сообщила, что ей удалось найти папку с материалами, которые могут представлять для меня интерес.

В Бузулуке я остановился в комнате отдыха на железнодорожном вокзале и каждый день ходил пешком в город, расположенный на приличном от вокзала расстоянии: в XIX веке железнодорожные ветки порой прокладывали так, что города находились довольно далеко от станций. Предоставленные архивные материалы меня потрясли: приехавшие сюда англичане спасали от голодной смерти моих соотечественников. Они не брали за это денег, да и какие могут быть деньги у умирающих от голода крестьян. Напротив, англичане собирали деньги в своей стране – на покупку продуктов и доставку их сюда, в далекий от Лондона город. Потрясенный, я бродил по улицам пыльного Бузулука, а оказавшись на рынке, подошел к старушкам, которые торговали овощами со своих огородов.

«Скажите, вы помните голод 1921 года»? – спросил я у одной из них.

«Как не помнить! Такое не забудешь... Меня и многих других спасли иностранцы. То ли американцы, то ли англичане – нерусские. Они такие добрые были, кормили нас, детишек».

После той поездки тема квакеров в России меня зацепила. Вслед за Бузулукским я исследовал архивы Самары, Санкт-Петербурга, Филадельфии, Лондона и Москвы. Я листал пожелтевшие машинописные отчеты квакеров о работе в России. Я держал в руках дневники, заполненные мелким почерком, полные потрясающих деталей о жизни американской барышни в степях Бузулукского уезда, читал книги воспоминаний английских и американских квакеров, работавших в России в те страшные голодные годы. Я всматривался в лица на старых фотографиях. Работа в архивах приносила необыкновенную радость и все новые и новые открытия.

В Нью-Джерси в доме для пожилых квакеров я встретился со столетней Ребеккой Тимбрес-Кларк, в 1923 году работавшей с мужем в селе Сорочинском в той же Самарской губернии. Я переписывался с новозеландкой Хелен Хьюз, дочкой Теодора Ригга, который в 1916 году возглавлял квакерскую миссию в России.

Позднее я подружился с американским историком Дэвидом Макфадденом, который исследовал ту же тему, и мы с ним могли часами обсуждать детали эпопеи Нэнси Бабб в Тоцком или успехи МТС под руководством Перри Пола в селе Сорочинском. Мы несколько раз съездили с Дэвидом в Бузулук, где когда-то работали английские квакеры, и в село Сорочинское, где был центр американских Друзей. Мы беседовали с еще живыми тогда очевидцами голодных лет, выступали перед школьниками в Могутове, общались с журналистами в Тоцком и Бузулуке.

Дэвид подготовил отличную книгу «Дух сотрудничества: Квакеры в революционной России», для которой я написал по его просьбе предисловие. Мои же материалы все еще лежали в столе: они ждали своего часа.

Без малого пятнадцать лет я отдал работе в Amnesty International в Москве, не имея никакой возможности отвлечься на осмысление собранных документов. И только выйдя на пенсию, смог наконец взяться за тему, которая давно меня волновала, и написать книгу об удивительной истории квакеров в Советской России.

ЧАСТЬ I 1916–1918

Нашивки и кокарды для униформы сотрудников Квакерской санитарной службы. Частная коллекция

ГЛАВА 1

Первые контакты квакеров с Россией. Беженцы в Российской империи времен Первой мировой. Квакерская миссия в Петрограде в апреле 1916 года. Поездка четверых квакеров в Москву, Самару и Бузулук. Общение с царскими чиновниками, Татьянинским комитетом. Решение о помощи беженцам в Бузулукском уезде Самарской губернии. Открытие в четырех селах уезда больницы, мастерских для беженцев, приютов. Революционные вести из столицы.

История взаимоотношений Религиозного общества Друзей (то есть квакеров) с Россией начинается практически с первых лет существования этой протестантской пацифистской церкви, появившейся в Великобритании в середине XVII века. Сохранилось письмо, отправленное в 1654 году основателем Религиозного общества Друзей Джорджем Фоксом (1624–1691) царю Алексею Михайловичу; с квакерами встречались Петр I, а затем Александр I. В XIX веке в Шушарах под Петербургом жил английский квакер Даниэл Уилер с семейством; он осушил там тысячи акров болот. Николай I даровал его семье участок земли в Шушарах под квакерское кладбище. Британские квакеры совершали поездки в Россию, в частности в 1890-е годы, оказывая помощь в борьбе с голодом.

История, которую я хочу рассказать, началась в 1916 году, когда в Центральную Россию с западных границ империи устремились потоки беженцев, пытавшихся скрыться от ужасов Первой мировой войны: поляков, литовцев, белорусов, которые через Петроград и Москву направлялись дальше на восток.

Квакеры – пацифисты, они никогда не брали в руки оружие и не принимали участия в боевых действиях, только помогали жертвам войн. Понятно, что отказ от несения воинской повинности, тем более в военное время, не мог оставаться без последствий. Так, 5 июня 1916 года газета «Земщина» в заметке под названием «Английские Толстовцы», ссылаясь на Daily Telegraph, писала, что военный суд в северном Уэльсе приговорил к каторжным работам на два года семерых квакеров, которые, будучи зачислены в нестроевые части, отказались выполнять приказ старшего офицера.

Обычно британские квакеры отправлялись на фронт в составе так называемого Friends Ambulance Unit – Квакерской санитарной службы; они служили врачами, медбратьями, а также в качестве технического персонала обслуживали полевые госпитали и больницы. Квакеры старались облегчить тяжелую участь главных жертв войны – гражданского населения. Религиозное общество Друзей принимало участие в программах помощи беженцам, в восстановительных работах. Важно отметить, что квакеры помогали гражданскому населению любых стран, а не только союзников Великобритании.

Британские квакеры работали во Франции, Черногории, Австрии. В начале 1916 года им стало известно о тяжелой ситуации с беженцами в России. По одной из версий, тогдашний министр иностранных дел С. Д. Сазонов послал письмо в Лондон с просьбой о помощи. По другой – в Лондонском отделении Квакерского комитета помощи жертвам войны⁹⁵ стало известно, что беженцы, наводнившие центральные и восточные области европейской части России, голодают, им негде жить, у них нет работы и средств к существованию.

Английские квакеры приняли решение оказать помощь беженцам, но для начала им надо было выяснить, какая именно помощь из Англии могла облегчить тяготы мирного населения в России, что именно требовалось в первую очередь.

⁹⁵ Квакерский комитет помощи жертвам войны (FWVRC) – подразделение британских квакеров, созданное для того, чтобы в годы войны оказывать помощь гражданскому населению. Комитет основан в 1870 году, после начала Франко-прусской войны, и затем заново сформирован в 1876 году для помощи Болгарии и в 1912 году на Балканах; вновь восстановлен в годы Первой мировой войны. В последний раз был возрожден в 1940 году; в 1941-м был переименован в Квакерскую службу помощи (Friends Relief Service).

Генеральный секретарь Комитета Рут Фрай обратилась с этим вопросом в посольство Российской империи в Лондоне и получила следующий ответ за подписью первого секретаря посольства Е. В. Саблина:

Ambassade Imperiale De Russie

Londres

28 марта 1916 года

Г-же Фрай

Дорогая Мадам,

Спешу подтвердить получение вашего письма от 27-го марта с. г., и сообщить, что, высоко оценивая ваше замечательное предложение отправить группу квакеров в Россию для оказания помощи польским и другим беженцам, мы были бы рады получить рекомендацию от Министерства иностранных дел Великобритании в поддержку вашей Программы, а также аналогичный документ подобного рода от Объединенного комитета Общества Британского Красного Креста и ордена Св. Иоанна в Иерусалиме.

Когда мы получим заверенное согласие этих институтов на одобрение ваших планов, мы будем рады оказать вам всю необходимую помощь для содействия вашей экспедиции.

Остаюсь искренне Ваш

Евгений Васильевич Саблин,

Первый секретарь Императорского российского посольства.

На следующий день Рут Фрай ответила:

...Я связалась с Министерством иностранных дел по телефону, и они пояснили, что напрямую свяжутся с вами для того, чтобы вернуть дело поездки нашей группы под ваше любезное попечительство.

У меня на руках есть документы от Британского Красного Креста и Ордена Святого Иоанна Иерусалимского для упомянутых выше джентльменов, которые они передадут вам, когда вы окажете любезность, пригласив их для собеседования, которое, как я надеюсь, могло бы быть проведено в пятницу утром, как это и было запланировано.

Уже в середине апреля 1916 года в столицу Российской империи Петроград прибыли квакеры Уильям Кэдбери, Джозеф Берт и Роберт Тэтлок, а неделю спустя к ним присоединился Теодор Ригг. Перед ними стояла задача разработать проект помощи беженцам, которые бежали от военных действий на западном фронте. Для этой цели они провели целый ряд переговоров с британским послом и высокопоставленными российскими чиновниками.

В своем дневнике Ригг отмечал:

Все русские охотно помогают нам. Уильям Кэдбери, как глава нашей группы, получил рекомендательные письма для представления князю Львову и другим чиновникам, работающим в Земском союзе и Красном Кресте в Москве.

Англичанам удалось заручиться письмом министра иностранных дел С. Д. Сазонова товарищу (заместителю) министра внутренних дел В. М. Волконскому.

Милостивый государь мой,

Предъявитель сего, г-н Кэдбери, является англичанином, который был рекомендован мне британским посольством. Он прибывает в Россию с тремя друзьями, их целью является намерение найти применение для средств, находящихся в их распоряжении, для помощи бедствующим в России.

Эти джентльмены – квакеры, надежность которых не подлежит сомнению. Возможно, вы помните, насколько полезно было это Общество Друзей для наших соотечественников во время голода. Я был бы чрезвычайно признателен вам, если бы смогли оказать этим господам помощь и поддержку.

Примите мои искренние заверения в совершеннейшем к Вам почтении,

С. Д. Сазонов

Министр иностранных дел Российской империи

И хотя квакерам уже доводилось работать в России, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДИИ) Министерства внутренних дел Г. Б. Петкевич составил подробную докладную записку об истории этого движения, его целях и видах деятельности. Департамент курировал назначение руководителей неправославных конфессий, открытие новых неправославных приходов, ведал духовной цензурой для иноверцев, надзирал за их школами, доходами неправославных общин и т. д. Но главной его задачей являлась охрана устоев православия как государственной религии империи.

Записка Г. Б. Петкевича была адресована главе Департамента полиции генерал-лейтенанту Е. К. Климовичу, в ведении которого находились среди прочего охранные и сыскные отделения.

По поводу прибытия в г. Петроград представителей секты английских квакеров для оказания материальной помощи беженцам пострадавшим от войны.

Начато 27 апреля 1916

Совершенно секретно.

Его Превосходительству Евгению Константиновичу Климовичу.

М. Г. Евгений Константинович

По имеющимся сведениям, в целях оказания материальной помощи пострадавшим от войны беженцам прибыли в г. Петроград представители английской секты квакеров.

Вследствие чего считаю своим долгом сообщить Вашему Превосходительству следующие имеющиеся во вверенном моему управлению Департаменте сведения о названной секте, в связи с отношением ее ко внутренним делам нашего Отечества.

Секта квакеров, или, как они сами называют себя «Религиозное Общество Братьев» возникло в Англии в 17 веке и в первое время подвергалось суровым преследованиям со стороны Английского Правительства.

С 1690 г. эта секта считается признанным исповеданием, причем в настоящее время она придерживается вероисповедных доктрин, тождественных с нашими молоканами Тамбовского толка. Во внутреннем строе секты существует суровая дисциплина и из отношений этой секты к государству, по условиям переживаемых обстоятельств военного времени, заслуживает особого внимания отрицательное ее отношение к войне и запрещение ее членам поступать на военную службу.

Состоявший во главе этой секты, умерший в 1915 году Фокс был в то же время председателем существовавшего в Лондоне общества под названием «Общество Англо-Германской Дружбы», и в иностранной прессе в первое время, по возникновении настоящей европейской войны были

некоторые указания, будто бы Английские квакеры проявили недостаточно сочувственное к ней отношение.

Секта квакеров известна своим напряженным стремлением к пропаганде сектантских идей и, по свидетельству Генерального Секретаря существующей в Лондоне баптистской организации под названием «Русское Общество Евангелизации», русское сектантство имеет в лице квакеров «щедрых помощников». В чем выражается помощь квакеров русскому сектантству и кто из его представителей находится с ним в сношениях Департаментом Духовных Дел не установлено, но проявление квакерами интереса к русскому сектантству находит подтверждение и в письме Министра Иностранных Дел от 11 марта 1914 года № 19 на имя Министра Внутренних Дел о том, что высланный по постановлению Совета Министров из Петрограда бывший наставник Петроградской баптистской общины В. Фетлер, был их единомышленником, причем на квакеров оказывали настолько неблагоприятное впечатление арест Фетлера и привлечение его к судебной ответственности, что, по свидетельству Императорского посла в Лондоне, это могло повлечь потери симпатий к нам английских квакеров и вообще очень неблагоприятно отразится на отношении к нам английского общества.

Вследствие всего вышеупомянутого имею честь покорнейше просить Вас, М. Г., не будет ли признано соответствующими сделать распоряжение об установлении за названными иностранцами особого наблюдения и о последующем, а равно и о тех лицах, с которыми они будут иметь особенно близкие отношения, не отказать меня уведомить.

*Ваш покорный слуга
Георгий Петкевич*

Тем не менее полиция никаких препятствий деятельности квакерской делегации не чинила: англичан принимали на довольно высоком уровне, и со стороны российских властей им оказывалось всяческое содействие.

Проблемы у них были совсем другого рода. Вот что сообщал об этом глава делегации У. Кэдбери в письме Р. Фрай, отправленном с дипломатической почтой британского посольства:

Петроград 19 апреля – 2 мая 1916 г.

Дорогая мисс Фрай,

...Мы здесь уже давно... Мы с Бертом лежали с гриппом и температурой, а затем наступили пасхальные праздники – самые длинные в году...

Министр внутренних дел предоставил нам полную статистику по беженцам, обеспечил нас рекомендательными письмами к губернаторам в разных губерниях вдоль Волги. Именно здесь имеется наибольшее скопление беженцев, поэтому предполагается отправиться в некоторые из этих центров – я имею в виду Симбирск, Казань, Самару и, возможно, Оренбург. Татлок и я надеемся сегодня отправиться в Москву, так как мы хотим застать там Львова и мы знаем, что он вскоре уезжает туда. Берт и Ригг поедут завтра. Мы планируем оставаться в Москве неделю или дней 10.

Климат тут суровый, и по причинам, которые я могу лучше объяснить по возвращении, я решил не ехать далее Москвы. Остальных троих будет

достаточно, и мне ясно, что они вполне отлично справятся втроем. Полагаю, что им понадобятся услуги переводчика.

У. Кэдбери

Первых беженцев им довелось встретить на вокзалах, где люди ожидали оказии для переезда вглубь страны, а по прибытии в Москву квакерам удалось познакомиться с бытом перемещенных лиц. Теодор Ригг записал в дневнике:

Мы прибыли в Москву вчера. Здесь уже лето, кругом зелень. Москва – исключительно живописный город с обилием церквей, с многоцветными куполами, золочеными крестами. Все радует глаз – величественные стены Кремля, бульвары, утопающие в зелени.

Мы находим местные власти весьма дружескими по отношению к нам, стремящимися показать нам все, что делается для облегчения тяжкой доли беженцев, нашедших приют в этом городе. Мы были поражены размахом и размером работ на этой ниве. В пригороде Москвы, в одном из центров для беженцев размещено около 3200 человек. Люди разных национальностей; поляки, литовцы, русские. Все сделано для них. Они живут в хороших условиях, обеспечены пищей и одеждой, есть школы, церкви обеих конфессий: католическая для поляков и православная для русских.

Но, как нам поведали, многие беженцы с запада проживают в Поволжье, где условия жизни для них, особенно в деревнях, далеки от идеальных.

Вот как в отчете У. Кэдбери зафиксирована статистика по городам:

Всего беженцев, по данным, подтвержденным Министерством внутренних дел (апрель 1916 года), 2 768 395 человек (из них 2 562 000 человек в европейской части России).

<i>Город</i>	<i>Беженцы</i>	<i>В процентном отношении к местному населению</i>
<i>Самара</i>	<i>38 000</i>	<i>26,6</i>
<i>Петроград</i>	<i>62 000</i>	<i>2,9</i>
<i>Москва</i>	<i>53 000</i>	<i>3,3</i>

Расходы русских властей – наличные деньги, выдаваемые беженцам в размере 25 коп./сутки, в общей сложности составляют 25 266 650 фунтов стерлингов в год.

В каждом центре работают организации помощи:

1) Национальный комитет (называемый Татьянинским комитетом, по имени великой княжны Татьяны Николаевны).

2) «СоБез».

3) Организации, работающие с конкретными национальностями: польские, еврейские...

4) Сугубо местные или частные организации.

В своих посланиях в Лондон квакеры отмечали, что английский язык в России не был общеупотребительным и не годился для общения с представителями властей. Никто из чиновников не владел английским на уровне, достаточном для беседы. Выручил Татлок, который знал французский. При этом англичане отмечали, что «немецкий язык в России вообще *verboten*» (запрещен. – нем.).

Итак, Кэдбери вскоре уехал из Москвы в Петроград, а оттуда – в Лондон. Трое оставшихся квакеров отправились дальше на восток, в Самару.

Путешествие на поезде заняло 36 часов. У путешественников были с собой рекомендательные письма самарскому губернатору, в земство, в местное отделение общества Красного Креста. Власти на местах оказывали квакерам очень теплый прием. Губернатор Андрей Афанасьевич Станкевич, искренне рассчитывая на помощь своей губернии, сообщил англичанам, что на вверенной ему территории проживают 170 000 беженцев, многие из которых пережили тяготы пути с запада и холодную зиму. По его словам, тысячи беженцев умерли от тифа и общей неустроенности. Особо он подчеркнул, что среди беженцев много детей-сирот, которые требуют большего внимания, чем то, какое власти были в силах им уделить. Официальные лица, с которыми довелось встретиться квакерам в Самаре, советовали им отправиться в Бузулук, уездный город, расположенный на востоке Самарской губернии. Условия жизни беженцев здесь считались наихудшими.

В Самаре англичанам показали несколько центров для беженцев. Они съездили во Владимировку, расположенную в 60 километрах от города, и в Екатериновку – в обеих деревнях расселили беженцев. По свидетельству Ригга, беженцам в полное распоряжение предоставили там три больших дома, куда заселились приблизительно по 50 человек. При этом поляки были размещены отдельно от русских по причине разных вероисповеданий и, как выяснили квакеры, по причине различия в употребляемой пище.

Беженцы рассказали им, что власти обеспечивают их жильем, дровами и керосином, но жить им приходилось на скудное жалованье, размер которого был определен в сорок копеек в день на человека. Они выражали недовольство тем обстоятельством, что жалованье, предназначенное на пропитание, выдавалось с задержкой, а одеждой, вопреки положению о беженцах, власти их не обеспечивали.

Карта Бузулукского уезда.
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, Самара, 1912

Ригг и его товарищи прислушались к совету посетить Бузулук, и, заручившись теперь уже в Самаре рекомендательными письмами к местному земству и чиновникам администрации,

отправились туда. Представители губернатора и земства встретили англичан тепло. Однако некоторые жители города никак не могли взять в толк, почему эти иностранцы заинтересовались беженцами и даже решили, что работа с беженцами – это часть какого-то тайного зловещего плана. Зато гостеприимные земские чиновники в честь прибывших издалека гостей дали обед и организовали поездку по деревням, где ранее расселили беженцев. Вот тут-то и выяснилось, что жители сельских районов остались практически без медицинской помощи: местные власти из-за нехватки медицинских работников, призванных на войну, вынуждены были закрывать здесь больницы и амбулатории.

Бузулукский уезд Самарской губернии в 1913 году насчитывал 6 станов и 51 волость с деревнями и селами. Несколько волостей входили в один врачебный участок, которых было несколько по всему уезду. У участка имелись больница и участковый врач, и каждый такой врач обслуживал обширную по английским меркам территорию, равную по площади графствам Сюррей или Сассекс. К моменту прибытия в уезд делегации квакеров медицинскую помощь там оказывать было некому: на многих участках больницы были закрыты, врачей и их помощников призвали в действующую армию.

Квакеры – совместно с принимающим их земским секретарем и переводчицей мисс Манир – осуществили ряд инспекционных поездок по уезду. Вначале они направились на север, в село Могутово. Квакерам сказали, что в этой деревне имелся большой дом, в котором никто не жил. Некогда он принадлежал московскому табачному купцу Бостанжогло, но теперь пустующим зданием владело земство. Квакеры заранее решили в этом строении открыть детский дом для беженцев.

Это было первое знакомство квакеров с русской глубинкой. Теодор Ригг подробно описал детали поездки: гостеприимство и хлебосольство местных помещиков, каждый из которых непременно желал познакомиться с англичанами, накормить и напоить их. Квакеры завели знакомство с местной бузулукской знатью: бывшим предводителем дворянства Андреем Павловичем Ждановым, семейством Стобеус. Из Могутова путь лежал в расположенное неподалеку село Державино, где имелись небольшая больница и амбулатория. В мирные времена больница обслуживала крестьян северных поселений Бузулукского уезда. Теперь же и амбулатория, и больница были закрыты. Дальше их путь лежал в Плешаново, где квакеры осмотрели местные амбулаторию и больницу; они были приятно удивлены условиями работы и наличием сотрудников. После Плешанова была Грачевка, в которой имелся больничный центр, обслуживавший население волостей Талли, Ключей и Кузьминовки. В Грачевке нашли приют около 700 беженцев из русскоязычного населения Польши. Квакерам рассказали о закрытии больниц в Любимовке и Андреевке. Неутомимые англичане снова двинулись в путь и провели день в этих селах. Условия, в которых жили беженцы и местные крестьяне этой южной части уезда, произвели на квакеров удручающее впечатление. Уровень жизни был ужасный, беженцы испытывали нужду во всем. Закрытие больниц в Андреевке и Любимовке весьма усложнило жизнь и местного населения, и беженцев южной части Бузулукского уезда, а также прилегающей территории Уральского уезда. Неудивительно, что волостные чиновники проявили большую заинтересованность в открытии больниц в этих двух деревнях, пообещав англичанам самое активное содействие.

По возвращении в Бузулук Ригг и двое его товарищей поблагодарили власти города за организацию поездки в составленном ими докладе, переданном властям Бузулука 23 мая (5 июня) 1916 года.

Во время встречи с земством квакеры подробно изложили, в чем могла бы заключаться их работа в Бузулукском уезде, и составили план неотложных мер:

1. Открытие и обеспечение штатом больницы и амбулатории в Любимовке.

2. *Открытие детского дома в доме табачного купца в Могутово и открытие там же амбулатории, что могло бы частично компенсировать закрытие больничного центра в Державино.*

3. *Открытие центров для трудоустройства беженцев в Любимовке и других деревнях, как только для этого найдется необходимый штат.*

4. *Раздача одежды и спецпитания беженцам в деревнях по соседству с больничными центрами.*

План был одобрен земством, английским помощникам была обещана всемерная поддержка при осуществлении указанной работы.

Отчет о поездке, а также предложения по организации работы в Бузулукском уезде должен был передать Комитету помощи жертвам войны Джозеф Берт, который возвращался в Лондон.

Вот что писал Ригг в сопроводительном письме:

*Теодор Ригг
Бузулук
Самарская губерния
8 июня 1916 года
Дорогая Рут Фрай*

...Теперь наконец мы понимаем, что осмотрели районы, где ситуация сложилась весьма благоприятно для нашей работы и где существует большая потребность в медицинской работе и материальной помощи одеждой. В Бузулукском уезде насчитывается около 35 тысяч беженцев, из Ташкента и Туркестана ожидается приезд еще 10 тысяч человек. Они в основном расселены в деревнях, тогда как в самом Бузулуке всего 1500 беженцев. Мы завершили инспекцию типичных участков Бузулукского уезда, что дало нам достаточное представление о ситуации с беженцами и жизни местных крестьян. <...> Я совершенно уверен, что если бы наши женщины могли говорить по-русски, такая группа могла бы быть эффективно использована в работе по распределению одежды и в организации мастерских и т. п. – при поддержке Бузулукских властей.

Вчера председатель Татьянинского комитета выразил надежду на то, что мы поможем им в распространении одежды для беженцев, которая у них уже имеется в наличии. Когда наши работники хоть немного подучат русский, я уверен, мы сможем привлечь больше женского персонала для работы среди беженцев. Что касается мужского персонала, то на настоящий момент мы пока не видим, как их можно было бы задействовать с пользой для дела. Понятно, что по мере увеличения потребности в рабочих руках найдется работа и для нескольких мужчин, но на данный момент мы не можем советовать вам отправлять кого-либо из сотрудников мужского пола.

После отъезда Роберта Берта Теодор Ригг и Тэтлок решили составить максимально подробные требования к набору штата, а также список всего, что требовалось для осуществления задуманного. В качестве первого шага они считали необходимым снять дом, который мог бы служить квакерам для жилья и для работы. Ригг вновь отправился в Любимовку и Могутово, чтобы уточнить, какого рода перепланировки и ремонтные работы потребуются в таких двух домах. Надо было продумать все до мелочей: мебелировку, обеспечение кроватями, продовольствием, дровами.

Первая партия медицинских работников и помощниц из Англии добиралась в Россию через Норвегию и Швецию; в июне они прибыли в Бузулук. Таким же путем добиралась и вто-

рая партия англичан, оказавшаяся на месте в конце августа 1916 года. Среди них были замечательные люди. Главным медиком был доктор Дж. Тэйлор Фокс, а в числе его помощниц были уже известные по своей работе во Франции и Сербии Флоренс М. Барроу, Дороти Уайт, Мэри Паттисон и Элеанор Линдсей.

Необходимо было детально продумать план работ, озаботиться размещением квакерского штата в Любимовке и Могутове. Серьезной проблемой было отсутствие переводчиков, без которых сотрудникам было сложно, а порой и невозможно работать. Группе с самого начала помогала мисс Манир, оказавшая неоценимые услуги на раннем этапе переговоров с местными властями. Немного позднее появились мисс Уэбстер и мисс К. Жукова, прибывшая туда из Ростова.

В качестве главной задачи квакеры считали открытие больницы в Любимовке. Для отбора детей в детдом в Могутове необходимо было предварительно провести обследование семей беженцев. Доктор Дж. Т. Фокс, Элзи Фокс, Дороти Уайт и необходимый штат сиделок отправились в Любимовку, чтобы отыскать больницу и заняться трудоустройством беженцев. Флоренс Барлоу совместно с другими работниками занялась обследованием семей беженцев в окрестностях Любимовки и Андреевки.

Той же осенью из Англии прибыли еще работники, благодаря чему квакеры смогли укомплектовать штат детдома в Могутове и открыть центры для беженцев в Богдановке и Ефимовке.

Местные власти, судя по дневникам и письмам квакеров, относились к Английской миссии благожелательно. Местное население, которое не жаловало беженцев, по-доброму относилось к англичанам, которые помогали всем: и беженцам, и местным. В самарской газете «Волжский день» осенью того года была опубликована заметка «Англичане в деревне», в которой отмечалось, что Бузулукское земство предоставило в распоряжение англичан две уездных больницы: любимовскую и андреевскую, а также дом в имении Бостанжогло в селе Могутове. При этом англичанам было поставлено условие, чтобы медицинскую помощь они оказывали не только беженцам, но и местному населению. В заметке говорилось, что все необходимые медикаменты поступали квакерам непосредственно из Англии, а также что врачи добросовестно относились к своим обязанностям, и местное население им вполне доверяло.

В октябре 1916 года квакеры организовали переезд нескольких семей беженцев и сирот из южной части уезда в отремонтированный дом Бостанжогло в Могутове. У некоторых беженцев главы семейств умерли либо их не было вообще. Перевезти их оказалось труднее, чем предполагалось. Но к середине октября переезд был завершен, и квакеры очень этому радовались, тем более что они успели до первого снега. В конце ноября квакеры назначили одну из своих сотрудниц, мисс Вебстер, руководителем могутовского дома. В этом же селе работали мисс Грейвсон и мисс Линдсей. Представителем Комитета в Могутове был Вилфред Литтл.

Офис квакерской миссии в 1916–1918 годах находился в доме 27 на Оренбургской улице в Бузулуке. Иллюстрированная почтовая карточка, нач. XX в.

На огромной территории Бузулукского уезда, в шести медицинских центрах, созданных в больших селах, началась рутинная работа. Кроме поликлиники и больницы, квакеры открыли в Могутове мастерские, чтобы занять беженцев работой, дать им средства к существованию.

Основной офис Квакерской миссии помощи находился в Бузулуке, на улице Оренбургской, в доме 27. Официально он назывался так: *Английская Миссия. Общество Друзей по оказанию вспомоществования жертвам войны.*

Теодор Ригг писал:

Я нахожусь в Бузулуке, который теперь называю своим домом. Здесь наша штаб-квартира. Нас тут трое, но нам редко удается собраться вместе. Кто-нибудь обязательно находится в разъездах. Чаще всего я. Как приятно возвращаться домой, в Бузулук, и как я радуюсь, когда на горизонте виднеются кресты и купола бузулукских церквей. Это значит, что скоро я буду дома. Здесь мы ощущаем некоторую свободу, недостижимую в такой же мере в других местах. Здесь мы можем отбросить некоторые формальности, забыть о каких-то трудностях. Приятно узнавать мировые новости, которые доходят до этой части России, наслаждаться неторопливой беседой на самые разные темы с моими коллегами.

Понятно, что не все шло гладко, случались ошибки. Не всегда все удавалось хорошо скоординировать, силы и время тратились порой не на самое насущное. И тогда, и в последующие годы квакеры пытались действовать по шаблону, делать все так, как если бы это было в Англии. Например, пытались организовать работу по стандартам британских больниц. Квакерский комитет в Лондоне, в свою очередь, допустил ряд ошибок в выборе сотрудников для миссии, и эти ошибки часто приводили к сложностям и взаимному недопониманию между Бузулуком и Лондоном, а также к трениям внутри квакерского коллектива, работавшего в России.

Увы, никто из приехавших в Бузулук не был хорошим администратором. Приходилось учиться на ходу, набирать опыта на практике, и, похоже, никто так в этом и не преуспел. Не следует забывать, что большинство сотрудников были очень молоды. И все они приехали сюда из благополучной Англии, можно сказать, из тепличных условий, из своих удобных домов. Живя своей сравнительно безопасной жизнью в Великобритании, многие никогда не сталкивались с реальной жизнью бедняков, с ужасами эпидемий. Никто из них не знал, что значит потерять дом, хозяйство, свое место в жизни, бросить все и бежать, уехать на сотни и тысячи километров от дома.

В России окружающая действительность не имела ничего общего с тем, чему их учили дома, не была похожа на то, к чему они привыкли на родине.

Нельзя не удивляться смелости и настойчивости, с которыми члены этого случайного коллектива подошли к решению стоявших перед ними задач. Тем более что все попытки, предпринимаемые ими для того, чтобы принести помощь и утешение несчастным людям, среди которых они очутились, с самого начала казались обреченными на неудачу.

Усилия квакеров могли показаться мизерными по отношению к проблеме, которую они пытались решить. Но они делали все, что было в их силах, и полностью отдавали себя своей работе. Своей искренностью и честностью, сами того не осознавая, они проложили путь для следующей миссии квакеров, которая осуществлялась во время страшного голода 1921 года.

Самым насущным требованием беженцев была занятость, работа. Только работа могла помочь им избавиться от апатии, скуки, безысходности, обуревавших каждого переселенца. После деятельной жизни у себя дома эти люди внезапно остались не у дел, в одночасье превратились в нищих, зависящих от милости окружающих.

На встречах с квакерами звучало однозначное мнение: для того чтобы обрести утраченное чувство собственного достоинства, беженцам нужна работа, а не раздача питания в суповых кухнях или иная форма благотворительности. Квакерам следовало безотлагательно создавать условия для работы беженцев, чтобы, кроме занятости, у них был еще и заработок. Им нужно было найти помещения для мастерских; все материалы для работы должны были поставляться из Бузулука, а это как минимум 8–10 часов езды на гужевом транспорте: именно на таких расстояниях от города находились квакерские центры. Кроме того, надо было выбрать такой род деятельности, который был бы под силу любому беженцу, а это не так-то легко. Ограниченность в средствах заставляла искать что-то такое, что пользовалось бы большим спросом, а расходы на материалы и зарплату возмещались бы без задержек. Да и сама продукция должна быть такой, чтобы продажа ее давала прибыль квакерской миссии, тем самым обеспечивая ее будущее и самоокупаемость.

После нескольких экспериментов было решено, что лучшим решением было бы прядение пряжи. Из ниток можно было вязать теплую одежду: носки, чулки, зимние фуфайки, можно было изготавливать незамысловато вышитое домашнее белье. Пожилые женщины могли прясть пряжу, молодые – вязать. Была и небольшая группа специалистов по вышивке. Некоторые научились шить фуфайки, и дело пошло. Люди стали получать жалованье, соответствовавшее уровню заработков в этих краях. При этом они исходили из рыночной цены на произведенную продукцию. Понятно, что ограниченность в средствах не давала развернуться: работу, однако, получили по одному человеку из каждой беженской семьи, хотя бы на 3–4 дня в неделю.

К ноябрю 1916 года мастерские открыли в Богдановке, Любимовке, Андреевке и Могутове. Многие теснились в маленьких помещениях; каждой мастерской заведовал квакер из Английской миссии. В Преображенском беженцы получали шерсть, пряли и вязали прямо на дому, а в феврале 1917-го открылась еще одна мастерская. Теодор Ригг писал в дневнике:

Мы открываем новый центр помощи в Ефимовке. Я занимался ремонтом помещений, которые мы будем использовать в своей работе. Кроме

того, мы приобретали материалы, необходимые для работы центра. Это довольно долгое и хлопотное дело, ибо кое-что надо было покупать в Самаре, потом организовать доставку поездом в Бузулук, а уже оттуда – на санях в деревню Ефимовка.

За зиму работой обеспечили 730 женщин и девушек, что дало финансовое обеспечение 2800 беженцам. Со временем стало понятно, что самым выгодным занятием было производство тканей: цена на мануфактуру поднималась, а качество продукции повсюду падало. Попробовали сначала в Андреевке, получилось. Тогда было решено заняться ткачеством в каждом квакерском центре. Ткацкие станки изготовили беженцы, которые – в силу возраста – обладали опытом и знанием. Вязальщикам пришлось переквалифицироваться в ткачей, и это занятие стало самым важным предприятием в местной кустарной промышленности. В уезде стали шить отличную одежду, в городе такие вещи были в дефиците, и, если товар достигал прилавков магазинов или рынков, покупателям приходилось выкладывать хорошие деньги, чтобы приобрести продукцию, сделанную руками беженцев.

В феврале 1917 года Теодор Ригг с коллегами встретился в Самаре с бывшим предводителем дворянства Бузулукского уезда Булыгиным. Глава квакерской миссии писал в Лондон:

Мы беседовали с господином Булыгиным в Гранд-отеле, в Самаре... Мы пояснили ему, что после консультаций с нашим Лондонским комитетом и ввиду возрастающей вероятности достижения мира раньше, чем это ожидалось, мы решили разобраться, в чем могут нуждаться беженцы, возвращающиеся в разрушенные губернии на западе России и в Польше.

Князь Львов, с которым квакеры встретились в эти же февральские дни, посоветовал им непременно пообщаться в Петрограде с Алексеем Борисовичем Нейдгардтом, тогдашним главой Татьянинского комитета.

Татьянинский комитет, которым руководил Нейдгардт, был центральным органом попечения о нуждах беженцев в Российской империи. В их ведении было много детских домов, схожих с тем, какой квакеры организовали в Могутове. На встрече с Львовым квакеры выразили намерение встретиться с графиней Ольгой Толстой. Львов сказал, что графиня Толстая накануне уже поведала ему о квакерах, и он надеялся, что она представит англичан его родственнице, которая как раз руководила детским домом для детей беженцев в Минске.

И хотя квакеры рассматривали планы расширения своей работы в России, тем не менее они остались в Бузулукском уезде. В феврале 1917 года в Любимовке прошло очередное заседание квакерского комитета, на котором было решено, что 1000 фунтов стерлингов в месяц достаточно для того, чтобы покрывать все расходы Английской миссии. Апрельское заседание комитета Английской миссии, проведенное в той же Любимовке, заслушало отчет доктора Фокса, который вместе с Татлоком побывал в Самаре, Москве и Петрограде. Кроме того что эти двое стали свидетелями Февральской революции в столице, у них состоялось много полезных встреч как с чиновниками, так и с вышедшими на свободу политическими противниками царского режима.

Доктор Фокс рассказал о знакомстве с графиней Толстой и ее друзьями в Москве. Он предложил пригласить ее в Бузулук, чтобы она могла своими глазами увидеть, чем квакеры занимаются в уезде. На этом же заседании было предложено попросить Лондонский комитет выслать в Бузулук информацию об исторических связях квакеров с Россией в прошлом.

Видимо, в эти дни у квакеров появилась мысль о долговременности их отношений с Россией, с русским народом. Революционные события давали множество надежд и ожиданий. Возможно, именно тогда в голову Теодору Риггу пришла идея квакерского посольства, идея, которую он отстаивал в беседах с коллегами как в России, так и в Лондоне. Не исключено, что одним из побудительных импульсов была встреча с Ольгой Толстой в Москве.

Графиня Ольга Константиновна Толстая, урожденная Дитерихс, – невестка Льва Николаевича Толстого, теща Сергея Есенина, сестра героини картины Ярошенко «Курсистка», сестра начштаба Колчака. Первой из россиян она вступила в Религиозное общество Друзей, но это произошло значительно позже.

Когда Ольге было 27 лет, эта красивая, умная, образованная и увлеченная идеями Толстого (ее сестра была замужем за В. Чертковым) девушка познакомилась с повесой и весельчаком Андреем Толстым, сыном писателя. Вскоре они поженились, родились дети: Соня (1900) и Илья (1903). Но уже в 1904 году, после пяти лет семейной жизни, Андрей увлекся Анной Толмачевой, дочерью генерала Соболева. Ольга, узнав об этой связи, уехала с детьми в Англию, к сестре Анне. Сестра жила там со своим мужем Владимиром Григорьевичем Чертковым, который вынужден был покинуть Россию семь лет назад: его выслали из страны за помощь русским духоборам.

В Англии состоялось первое знакомство Ольги Толстой с квакерами: они проявляли большой интерес к идеям Толстого и к Черткову. Собственно, Ольга по своей натуре полностью соответствовала идеалам квакеров: мудрая, религиозная, стремившаяся помочь нуждающимся, сторонница ненасилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.